

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМА РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1916.

О погребеніи Тимура.

При изданіи альбома «Самаркандскія мечети»¹⁾ Императорской Археологической Коммиссіей на первую очередь было поставлено изданіе мавзолея «Гурь-Эмиръ», съ гробницами самого Тимура, двухъ его сыновей, трехъ внуковъ и двухъ представителей мусульманскаго духовенства²⁾. Мавзолею посвященъ первый выпускъ альбома, до настоящаго времени единственный. Въ предисловіи издателемъ Н. И. Веселовскимъ были высказаны нѣкоторыя соображенія о постройкѣ зданія и его первоначальномъ назначеніи; тѣмъ же вопросамъ Н. И. Веселовскій еще во время печатанія выпуска посвятилъ два доклада въ засѣданіяхъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго Общества³⁾. Взгляды Н. И. Веселовскаго вызвали возраженія въ «Справочной книжкѣ Самаркандской области», со стороны одного изъ лучшихъ мѣстныхъ знатоковъ исторіи Средней Азій, В. Л. Вяткина⁴⁾. Дальнѣйшаго обсужденія тѣхъ же вопросовъ въ печати, насколько мнѣ извѣстно, не было; не было также попытки собрать и сопоставить между собой *все* извѣстія письменныхъ источниковъ о погребеніи Тимура и о постройкѣ зданія, гдѣ теперь помѣщается его гробница.

1.

Вполнѣ установленъ фактъ, что при жизни Тимура мѣстомъ погребенія его родственниковъ и главныхъ сподвижниковъ былъ не Самаркандъ,

1) Ср. ЗВО XVII, 0181 сл.

2) Имена у В. Л. Вяткина въ Справ. кн. Самарк. обл., VIII, 301. Въ предисловіи къ альбому имена лицъ, похороненныхъ въ Гурь-эмирѣ, не перечисляются; путешественники сообщали объ этомъ, со словъ муллъ, крайне сбивчивыя и разнорѣчивыя свѣдѣнія. Ср. E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand (оттискъ изъ Revue Archéologique, 1897), p. 28.

3) ЗВО XVI, стр. XI—XIII и XX.

4) Справ. кн. Самарк. обл., VIII, 291 сл. Ср. ЗВО XVIII, 0189 сл.

а родной городъ¹⁾ Тимура—Кешъ или Шахрисябзъ. Здѣсь въ 1360 г.²⁾, по словамъ Шереф-ад-дина Іезди, былъ похороненъ отецъ Тимура Тарагай «въ куполообразномъ зданіи (قبه), передъ (پیش) своимъ отцомъ, братомъ и другими родственниками»³⁾. Едва ли этотъ мавзолей могъ отличаться выдающимися размѣрами или богатствомъ; какъ признаютъ и историки тимуровской эпохи, ни отецъ, ни дѣдъ Тимура не принимали сколько-нибудь замѣтнаго участія даже въ жизни своего родного города⁴⁾. Неизвѣстно даже, былъ ли дѣдъ Тимура мусульманиномъ. Во всякомъ случаѣ принятіе ислама тѣмъ родомъ, изъ котораго вышелъ Тимуръ, могло произойти только незадолго до рожденія самого Тимура. Тимуръ родился въ 1336 г.; ханъ Тармаширинъ, при которомъ исламъ окончательно сдѣлался религіей монгольскихъ хановъ въ Мавераннахрѣ и ихъ подданныхъ, правилъ съ 1326 до 1334 г. Во времена язычества хановъ, вѣроятно также и вельможъ, хоронили въ трудно доступныхъ мѣстахъ, и мѣсто погребенія оставалось тайной если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для народныхъ массъ; мы знаемъ, однако, примѣры, что монгольскіе ханы послѣ принятія ислама уничтожали тайну, окружавшую могилы ихъ языческихъ предшественниковъ, и строили надъ этими могилами мавзолей мусульманскаго типа⁵⁾. Такіе случаи бывали и въ Средней Азіи. Ханъ Кебекъ (1318—1326) по всѣмъ извѣстіямъ оставался до конца жизни язычникомъ; между тѣмъ надъ его могилой въ Карши былъ построенъ куполообразный мавзолей⁶⁾.

Впослѣдствіи, уже послѣ своего воцаренія, Тимуръ перенесъ прахъ своихъ предковъ въ другое мѣсто, у соборной мечети города, гдѣ былъ похороненъ шейхъ Шемс-ад-динъ Кулалъ или Куларъ Фахури⁷⁾. Мюрпомъ

1) Тимуръ родился не въ самомъ городѣ, но въ одномъ изъ селеній его округа; названіе селенія (خواجہ ایلغار) приводится только у Ибн-Арабшаха (каирское изд. 1265 г., стр. 6).

2) Въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ (рук. Аз. муз. 568—مقدمه ظرفنامه—и с 568—только مقدمه, рук. Бр. муз. 6538 и 18.406 по списку, любезно предоставленному мнѣ проф. Россомъ) дата 762 г. хиджры (1360—1361), только въ ташкентской рукописи № 14 надъ словомъ اثنی написано, въ видѣ поправки, احدی; дата по циклу (годъ мыши) соответствуетъ 1360 г.

3) مقدمه ظرفنامه, рукоп. Аз. муз. с 568, л. 1156.

4) ظرفنامه, калк. изд., II, 730.

5) Ср. разсказъ о персидскомъ ильханѣ Аргунѣ, умершемъ въ 1291 г.; d'Ohsson, Hist. des Mongols, IV, 68.

6) وقبته بر بالای قبر او بر افراختند, рук. Аз. муз. с 568, л. 112а; ظرفنامه.

7) ظرفنامه въ концѣ مقدمه (во всѣхъ спискахъ) и въ калк. изд. II, 594, کلالъ въ калк. изд. I, 795 и II, 209 и رشحات عين الحيات, рукоп. Петрогр. уни. № 293, л. 266, гдѣ указано значеніе слова на бухарскомъ нарѣчій — داشکر (горшечникъ); произношеніе «кулалъ»

этого шейха был еще Тарагай; Тимурь также считал шейха своим первым духовным руководителем. Известия письменных источников о шейхе Кулале скудны и не вполне ясны; дошедшие до нас памятники среднеазиатской агиологической литературы почти все бухарскаго происхождения и сообщают мало сведений о шейхах долины Кашка-дарьи, несомненно, имевших большое влияние на распространение ислама среди потомков монгольских завоевателей. Здесь был дворец Кебек-хана, по которому город «Карши» получил свое нынешнее название¹); здесь Ибн-Батута в 1333 г. видел мусульманскаго хана Тармаширина и его дворъ²); здесь же в 40-х годах XIV в. был дворец послѣдняго изъ полновластныхъ джагатайскихъ хановъ Мавераннахра, Казана³). Изъ словъ Ибн-Батуты мы знаемъ, что зятемъ Тармаширина былъ шейхъ Хасанъ, несомненно способствовавшій обращенію хана въ мусульманство; но даже въ такихъ памятникахъ агиологической литературы, какъ *رشحات عين الحيات* Али ибн-Хусейна Кашифи и въ *نغحات الأنس* Джамии, нѣтъ никакихъ сведений ни объ этомъ шейхѣ, ни о властномъ имамѣ Хусам-ад-динѣ ал-Яги, отъ котораго Тармаширинъ покорно выслушивалъ суровыя наставленія. Дѣятельность шейха Шемс-ад-дина Кулала связывается въ *رشحات عين الحيات* не съ Шахрпслбзомъ, а съ Карши; изъ этого города онъ совершилъ пѣшкомъ паломничество въ Мекку, сблизился въ Иракѣ съ современными ему шейхами, усвоилъ ихъ обычаи и распространялъ ихъ въ Мавераннахрѣ. Въ началѣ его дѣятельности между нимъ и Беха-ад-диномъ Накшбендомъ была вражда, потомъ прекратившаяся⁴). Учителемъ какъ Шемс-ад-дина Кулала, такъ и Беха-ад-дина Накшбенда былъ сейидъ Эмиръ-Кулалъ; мѣстомъ рожденія и погребенія послѣдняго была бухарская деревня Сухари (*سوخاری*)⁵). Вопреки этому разсказу, Джамии въ *نغحات الأنس* знаетъ только одного сейида Эмиръ-Кулала и заставляетъ Беха-ад-дина Накшбенда отправляться къ нему въ Несефъ, т. е. въ Карши⁶). По тому же источнику Беха-ад-динъ и впоследствии всегда оказывалъ особенное вниманіе ученикамъ, приходившимъ къ нему въ Бухару изъ мѣстности Нахшеба (т. е. Карши)⁷). Беха-ад-динъ расходился со своимъ учителемъ въ вопросѣ о зикрѣ: подобно Юсуфу Ха-

указано въ словарѣ Вуллера. Прозваніе *الفاخوري* приводитъ только Ибн-Арабшахъ (стр. 7 наверху), у котораго нѣтъ слова *كلال*. Горшечникъ по-арабски *فخّار*; возможно, что прозваніе *الفاخوري* образовано отъ этого слова.

1) Дворецъ былъ въ 2 фарсахахъ отъ города (*ظفرنامه*, I, 111).

2) *Voyages d'Ibn-Batouta*, ed. Defrémery et Sanguinetti, III, 28 сл.

3) *ظفرنامه*, I, 259, 443 и 775 (дворецъ Зенджиръ-Сарай).

4) *رشحات*, рук. унив. 293, л. 32а.

5) *Ibid.*, л. 266.

6) *نغحات*, вост. пзд., стр. 248.

7) *Ibid.*, стр. 246.

мадани и его школѣ¹⁾, Беха-ад-динъ признавалъ только тайный зикръ и отвергалъ какъ громкій зикръ, какъ и музыкальныя радѣнія (سماع²⁾).

При такихъ условіяхъ можетъ быть поставленъ вопросъ, не являются ли, вопреки Али ибн-Хусейну Кашифи, сейидъ Эмиръ-Кулаль и Шемс-ад-динъ Кулаль — однимъ и тѣмъ же лицомъ, умершимъ 8 джумада I 772 г. (28 ноября 1370)³⁾; для разрѣшенія этого вопроса было бы необходимо сопоставленіе *остатковъ* агіологическихъ источниковъ, изъ которыхъ мнѣ въ настоящее время доступны только нѣкоторые⁴⁾. Слова Кашифи о вліяніи на шейха Шемс-ад-дина иракскихъ шейховъ подтверждаются словами Шереф-ад-дина, что шейхъ принадлежалъ къ школѣ Шихаб-ад-дина Сухраверди⁵⁾. Съ запада же имъ, вѣроятно, были принесены обычаи, пе одобряшіеся въ Бухарѣ. Такимъ же образомъ хорезмійскій шейхъ Неджм-ад-динъ Кубра во время путешествія на западъ сдѣлался послѣдователемъ мѣстныхъ шейховъ и перенесъ къ себѣ на родину ихъ ученіе, въ томъ числѣ и музыкальныя радѣнія, которыя прежде неавидѣлъ⁶⁾.

Рядомъ съ мазаромъ шейха Шемс-ад-дина Тимуръ въ 775 (1373—4) г. воздвигъ новую куполообразную постройку и перенесъ туда тѣло Тарагая (о перенесеніи праха его отца и брата не говорится)⁷⁾. Тамъ же въ 1376 г. былъ похороненъ старшій сынъ Тимура Джехангиръ, причемъ для этого было построено новое «высокое зданіе»⁸⁾; въ 1389 г. въ Кешѣ была похоронена мачиха Тимура Кадакъ-хатунъ⁹⁾; въ 1394 г. туда же было перенесено изъ Шираза тѣло убитаго при осадѣ одной курдской крѣпости второго сына Тимура, Омаръ-Шейха. По этому случаю Шереф-

1) Ср. текстъ «Кандійе» въ моемъ трудѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», I, 51.

2) Слова Джами въ *نفحات* (стр. 248): *از ایشان پرسیدند که در طریقهٔ شما ذکر: جهر و خلوت و سماع می‌باشد فرمودند نمی‌باشد*

3) Дату приводитъ В. Л. Вяткинъ (Справ. кн. Самарк. обл., VI, 253), безъ ссылки на источникъ.

4) О путешествіяхъ Беха-ад-дина къ сейиду Кулалю въ Несефъ (Карши) говорится также въ биографіи Беха-ад-дина (авторъ — хаджа Салахъ ибн-Мубәрекъ, ср. статьи А. А. Семеновъ въ сборникѣ, посвященномъ А. Н. Веселовскому, стр. 204, пр. 1 и ЗВО XXII, 322, пр. 3), изданной въ 1901 г. въ Казани въ арабскомъ переводѣ *مقامات الخواجه*) *بهاء الدین*, стр. 21 и 24).

5) *مقدمتہ ظفرنامه*, рук. с 568, л. 1156. О двухъ шейхахъ этого имени ср. Brockelmann, *Geschichte der Arab. Litt.*, I, 437 и 440.

6) *نفحات*, стр. 272 сл.; о *سماع* въ обители Неджм-ад-дина стр. 276. Теперь дервиши ордена Кубреви (основаннаго Неджм-ад-диномъ), подобно накшбендіямъ, придерживаются тайнаго зикра; ср. Е. Т. Смирновъ, *Дервишизмъ въ Туркестанѣ*, Ташк. 1898 (оттискъ изъ Турк. Вѣд.), стр. 20.

7) *مقدمتہ ظفرنامه*, I, с.

8) *ظفرنامه*, I, 270.

9) *Ibid.*, I, 490.

ад-динъ даетъ нѣсколько болѣе подробное описаніе кладбища¹⁾. Въ сторону киблы, т. е. къ юго-западу отъ мазара шейха находилась мавзолей Тарагая, справа и слѣва отъ него — гробницы Джехангира и другихъ царевичей; тамъ же заранѣе опредѣляли для себя мѣсто погребенія многіе изъ сподвижниковъ Тимура, въ томъ числѣ одинъ изъ главныхъ военачальниковъ, Акбуга. Каждый заботился о томъ, чтобы его тѣло, гдѣ бы онъ ни умеръ, было привезено сюда; заранѣе строились усыпальницы; мѣсто, отведенное каждому на кладбищѣ, обозначалось тѣмъ же военнымъ терминомъ (مورجل), какъ мѣсто отряда или отдѣльнаго война во время битвы²⁾.

Испанскій посолъ Клавихо, проѣзжавшій тамъ въ концѣ августа 1404 г., видѣлъ въ Кешѣ (Шахрисябѣ) большую «мечеть» (mezquita), построенную Тимуромъ и еще не оконченную; въ ней была особая «большая часовня» (capilla), гдѣ былъ похороненъ отецъ Тимура, и другая часовня, «очень большая», которую Тимуръ строилъ для себя, желая быть тамъ похороненнымъ. Тимуръ проѣзжалъ тамъ (при возвращеніи въ Самаркандъ изъ похода на западъ) за мѣсяцъ до Клавихо³⁾ и велѣлъ передѣлать дверь (puerta), показавшуюся ему слишкомъ низкой; надъ этимъ еще работали при Клавихо. Въ той же «мечети» былъ похороненъ старшій сынъ Тимура Джехангиръ; и мечеть, и часовни были «очень богаты и великолѣпно отдѣланы золотомъ, лазурью и изразцами»; вокругъ мечети былъ «большой дворъ съ деревьями и водоемами». Каждый день, по приказанію Тимура, посылали туда «двадцать вареныхъ барановъ въ память душъ его отца и сына⁴⁾». Въ этой же «мечети» угощали испанскихъ пословъ въ день ихъ пріѣзда.

Въ настоящее время отъ всего этого, по словамъ кн. Масальскаго⁵⁾, осталось «нѣсколько полуразрушенныхъ мавзолеевъ, украшенныхъ кое-гдѣ разноцвѣтными изразцами и надписями». Подробныхъ свѣдѣній о современномъ видѣ мавзолеевъ мнѣ въ литературѣ не приходилось встрѣчать; сравнительно подробнѣе всего описываетъ эти постройки А. Л. Кунъ, видѣвшій ихъ въ 1870 г. Изъ его описанія⁶⁾ видно, что небольшой мав-

1) ظفرنامه, I, 670 сл.

2) Ср. примѣры употребленія слова въ ظفرنامه خود, 506-7 (تومان تورچل خود بمورچل رفت, 587 (روان شده اجازت طلبیده بمورچل خود بمورچل رفت). Въ словаряхъ Будагова (II, 262) и В. В. Радлова (IV, 2195-6) значеніе слова опредѣлено не вполне точно.

3) По ظفرنامه, I, 592—596 Тимуръ въ среду 1-го мухаррема 807 г. (9 июля 1404) выѣхалъ изъ Пишанура и еще въ томъ же мухаррема (до 9 августа) прибылъ въ Самаркандъ; въ Шахрисябѣ онъ посетилъ мазаръ шейха Шемс-ад-дина и могилы своихъ родныхъ.

4) Сборн. отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1, стр. 233 сл.

5) Туркестанскій край, стр. 681.

6) Очерки Шахрисябскаго бекства (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. VI, стр. 226 сл.).

золей падъ могилой Шемс-ад-дина до сихъ поръ сохранилъ имя похороненнаго въ немъ шейха и называется «Маркад-и-шейхъ Шемс-ад-динъ»; находящійся рядомъ съ нимъ мавзолей Тарагая называется теперь «куполomъ сейидовъ» (Гумбез-и-сейиданъ); въ немъ четыре надгробія, изъ нихъ три надгробія сейидовъ, съ надписями (А. Л. Кунъ ихъ не приводитъ)¹⁾; четвертое надгробіе надписи не имѣетъ, но въ народѣ сохранилось преданіе, что здѣсь похороненъ отецъ Тимура. Зданіе отдѣлено дворомъ отъ другой постройки, примыкающей ко двору съ западной стороны и носящей названіе «Кокъ-гумбезъ» (спій куполь); въ западной стѣнѣ находится михрабъ; на восточной сохранилась надпись, гдѣ будто бы сказано, что зданіе построено Шахрухомъ въ 839 г. (1435) — извѣстіе, нуждающееся въ провѣркѣ; судя по дошедшимъ до насъ историческимъ даннымъ, Шахрухъ никогда не владѣлъ Шахрисябзомъ и не воздвигалъ тамъ построекъ²⁾. Къ западу отъ зданія Кокъ-гумбезъ, черезъ улицу, находится еще зданіе Хазретъ-Имамъ, построенное, по словамъ однихъ, Тимуромъ, по словамъ другихъ — легендарнымъ Кызыль-Арсланъ-ханомъ.

Ни письменные источники, ни преданія, ни вещественные остатки не даютъ намъ отвѣта на вопросъ, были ли похоронены Джехангиръ, Омаръ-Шейхъ и вполнѣдствіи Мираншахъ (о немъ см. далѣе) въ одномъ зданіи или для каждаго былъ выстроенъ особый мавзолей; но вообще описаніе кладбища ясно показываетъ, что здѣсь, какъ на кладбищѣ Шахъ-зиндѣ въ Самаркандѣ, преобладала система отдѣльныхъ небольшихъ мавзолеевъ, а не система устройства обширныхъ родовыхъ усыпальницъ. Въ такомъ же мавзолеѣ, окруженный своими родственниками и боевыми товарищами, долженъ былъ покоиться Тимуръ; но судьба опредѣлила иначе.

Сосредоточеніе въ одномъ мѣстѣ гробницъ всѣхъ членовъ правящаго рода затруднилось строительной дѣятельностью отдѣльныхъ женъ, потомковъ и родственниковъ Тимура; по мусульманскому обычаю постройки, воздвигавшіяся съ благочестивой цѣлью, служили въ то же время мѣстомъ погребенія для ихъ строителей, хотя послѣдніе обыкновенно хоронились не въ самыхъ зданіяхъ, но рядомъ съ ними, въ особыхъ пристройкахъ или мавзолеехъ. Помимо Шахрисябза, мѣстомъ усиленной строительной дѣятельности самого Тимура, его родныхъ и сподвижниковъ была столица имперіи, Самаркандъ³⁾. Къ сожалѣнію, письменныя извѣстія объ этихъ постройкахъ

1) Приводятся только имена сейидовъ и даты смерти двоихъ изъ нихъ: 869 (1454—5) и 950 (1543-4).

2) Зданіе внутри пустое; по преданію, оно было некогда соборной мечетью, но для этого площадь зданія (квадратъ, длина каждой стороны 12 шаговъ) слишкомъ незначительна.

3) Ср. слова Хафизи-Абру въ المظفریة, стр. 14 сл. (текстъ), 16 сл. (переводъ).

довольно скудны; вещественные остатки также еще не были предметом научнаго изученія; сверхъ того, какъ мы увидимъ, остаются невыясненными многіе вопросы, касающіеся мусульманскаго религіознаго культа и мусульманской архитектуры въ Средней Азіи; недостаточно объяснено даже значеніе архитектурныхъ терминовъ, постоянно встрѣчающихся въ письменныхъ источникахъ.

Изъ зданій, имѣвшихъ значеніе для религіознаго культа, въ мусульманскомъ мірѣ издавна, кромѣ мѣстъ молитвы — мечетей, строились *ханкахи*¹⁾ или, по современному среднеазиатскому прозношенію, *ханаки* — обители суфіевъ или дервѣшей и *медресе* — закрытыя учебныя заведенія для изучавшихъ богословскія науки. Исторія обихъ учрежденій тѣсно связана, конечно, съ исторіей мусульманскаго отшельничества съ одной стороны и мусульманской богословской науки — съ другой. Между монастыремъ и высшей духовной школой въ мусульманскомъ мірѣ, по характеру религіи, не могло быть такой тѣсной и продолжительной связи, какъ въ христіанскомъ; но и въ мусульманскомъ мірѣ принципиальное различіе между ними не всегда сознавалось такъ отчетливо, какъ впоследствии. Въ рассказѣ Макдиси (конецъ X в. по Р. Хр.) о распространеніи въ Хорасанѣ пуританской секты керрамійцевъ обители сектантовъ въ одной версіи труда названы ханакими, въ другой — медресе²⁾. Подобное смѣшеніе терминовъ мы встрѣчаемъ и послѣ. По рассказу Джувейни, въ Бухарѣ въ XIII в. на средства монгольской царицы Сурхуктани-бики³⁾ (христіанки, матери великихъ хановъ Мункэ и Хубилая) было построено медресе, гдѣ мударрисомъ и мутеваліемъ сдѣлался извѣстный шейхъ Сейф-ад-динъ Бахарзи⁴⁾; компиляторъ XV в. Фасихъ вмѣсто постройки медресе говорить

1) Собств. персидское خانگاه; по словарю XVIII в. بهار عجم (приведено у Вуллерса s. v.) изъ خانہ + اک: خانہ توان ساخت; чаще пишется خانگاه, по-арабски также خانقة, мн. ч. خوانق. Опредѣленіе словаря قاطع برهان по Вуллерсу: خانگاه باشد که درویشان و مشائخ در آن عبادت کنند و سر بردند. Опредѣленіе Сам'ани (ed. Margoliouth, 186b): خانگاه وهی بقعة يسكنها اهل الخير والصوفية. Въ стихахъ произношеніе айнеахъ, напр. Мірѣ Ислама I, 105.

2) Bibl. Geogr. Arab. III, 323 (прим. о и р).

3) E. Blochet (Introd. à l'hist. des Mongols, p. 165) едва-ли удачно предполагаетъ произношеніе Siyourkhokhataitai; сириецъ Баръ-Эбрей (ср. текстъ въ хрестом. Bernstein-Kirsch, стр. 112), знавшій имя этой христіанской царицы едва-ли только изъ мусульманскихъ источниковъ и только въ арабской транскрипціи, пишетъ Sarkutani (سركوتاني).

У Березина (Труды В. Отд. V, стр. 59 и друг., см. указ.) Сурхуктай (ср. попытку этимологическаго объясненія этого имени на стр. 261, къ стр. 100) и (ibid., XIII, стр. 108) Сурхуктени.

4) Объ этомъ кратко говорится въ первой части تاریخ جهانگشای (изд. Мухаммеда Казвини въ Gibb Mem. Series, p. 83) и подробнѣе въ неизданной второй части; ср. тотъ же текстъ у Рашид-ад-дина въ изд. Blochet, стр. 278 сл., гдѣ مدرسی вм. مدرسی.

о постройкѣ ханаки для того же шейха¹⁾. Даже въ биографіи главнаго представителя среднеазіатскаго дервишизма XV в., ходжи Ахрара, говорится не о «ханакѣ», а о «медресе» этого шейха²⁾. Съ другой стороны, въ источникахъ встрѣчаются мѣста, гдѣ вполне отчетливо проводится разница между цѣлями ханаки и медресе. Такъ по разсказу Джами знаменитый имамъ Мухаммедъ Газали, умершій въ 505=1111 г., построилъ въ Тусѣ «ханаку для суфійевъ и медресе для стремящихся къ познанію»³⁾. Въ XV в. Улугбекъ построилъ въ Самаркандѣ медресе для улемовъ и напротивъ него ханаку для шейховъ⁴⁾.

Для исторіи обѣихъ учрежденій важно установить слѣдующій фактъ: несмотря на арійское происхожденіе слова «ханака» (ханкахъ) и семитическое происхожденіе слова «медресе», распространеніе ханаки шло въ мусульманской Азіи съ запада на востокъ, распространеніе медресе — съ востока на западъ. Свѣдѣнія мусульманскихъ источниковъ о древнѣйшихъ ханакахъ ясно указываютъ на возникновеніе ханаки подъ влияніемъ западнаго—христіанскаго и манихейскаго отшельничества. Джами приводитъ характерный, хотя исторически, конечно, недостоверный разсказъ о томъ, какъ была построена первая ханака. Христіанскій князь (امیری ترسان) города Рамлы въ Палестинѣ однажды встрѣгилъ двухъ людей, которые сидѣли, обнявшись, и вмѣстѣ ѣли, потомъ разошлись. Тронутый этой картиной, князь велѣлъ позвать одного изъ нихъ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: «Кто это былъ?» — Не знаю. — «Чѣмъ онъ былъ тебѣ?» — Ничѣмъ. — «Откуда онъ былъ?» — Не знаю. — «Что же это за дружба между вами?» — Такое у насъ правило. — «Есть ли у васъ мѣсто, гдѣ вы бы могли собираться?» — Нѣтъ. — «Я устрою для васъ такое мѣсто». Сказавъ это, князь велѣлъ выстроить въ Рамлѣ ханаку⁵⁾. Несмотря, однако, на этотъ разсказъ, намъ въ источникахъ не приходилось встрѣчать случаевъ употребленія слова «ханака» въ смыслѣ «христіанскій монастырь»,

1) خانقاه شيخ سيف الدين (рук. Аз. Муз. 581а, л. 315б): 649 г. تاریخ فصیحی
باخرزی در بخارا او فرمود که ساختند.

2) Вост. Запѣтки, стр. 327. Ср. شجاعت о медресе ходжи Ахрара въ Самаркандѣ (рук. унив. 293, л. 191а) и Ташкентѣ (ibid, л. 199б, вост. пагин.).

3) از برای صوفیه بنای خانقاهی کرد و از برای طلبهٔ نفعات، вост. изд., стр. 238: علم بنای مدرسه.

4) اعلام علماء و تجارب فضلًا بتدریس وافادت (рук. унив. 157, л. 217б): در مدرسه تعیین نمود و همچنین در خانقاه مشایخ و مباشران صاحب وقوف باز داشت. Самому Тимуру приписывается постройка ханаки въ селеніи Димшикъ близъ Самарканды; здѣсь въ 1392 г. останавливались жены Тимура (ظفرنامه, I, 580); но никакихъ свѣдѣній о характерѣ и назначеніи зданія источникъ не сообщаетъ.

5) نفعات، вост. изд., стр. 22.

тогда какъ персидскій географъ X в. по Р. Хр. вполне опредѣленно говорить о «манихейской ханакъ» въ Самаркандѣ¹⁾.

Медресе, какъ учебное заведеніе, даже въ столицѣ мусульманскаго міра, Багдадѣ, появляется только во второй половинѣ XI в., благодаря сельджукскому визиру Низам-ал-Мульку, хотя слова того же корня употреблялись въ Аравіи для обозначенія понятія «научное познаніе», можетъ быть, еще до Мухаммеда²⁾. По разсказу меккскаго историка XVI в., которымъ были введены въ заблужденіе даже современные европейскіе ученые³⁾, мѣра Низам-ал-Мулька казалась опаснымъ новшествомъ не только въ Багдадѣ, но и въ Мавераннахрѣ; на самомъ дѣлѣ въ Мавераннахрѣ медресе въ это время давно уже не было новостью. Первое по времени событіе, въ разсказѣ о которомъ упоминается о медресе, насколько мнѣ извѣстно, — большой пожаръ 325=937 г. въ Бухарѣ, во время котораго среди другихъ зданій сгорѣло «медресе Фарджека»⁴⁾. Первое извѣстное медресе, устроенное правительственною властью, — медресе газневидскаго султана Махмуда въ Газнѣ, построенное одновременно съ соборною мечетью, рядомъ съ нею⁵⁾. Число медресе, повидимому, было особенно значительно въ областяхъ, зависѣвшихъ отъ Балха; въ одномъ Хутталѣ ихъ, по разсказу Бейхаки (XI в.), было болѣе двадцати, располагавшихъ вакуфами⁶⁾. Какъ извѣстно, исламъ въ этихъ областяхъ засталъ господство буддизма. На основаніи всего этого, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что образцомъ для мусульманскаго медресе послужила буддійская вихара. Примѣровъ употребленія слова «медресе» въ смыслѣ вихара (по-персидски بخار или بهار) или слова بخار или بهار въ смыслѣ «медресе» мы не знаемъ, но вихара и потомъ казалась мусульманамъ, въ отличіе отъ христіанскаго монастыря, не столько обителью отшельниковъ, сколько «мѣстомъ собранія науки» (مجمع العلم)⁷⁾.

1) ЗВО X, 123.

2) Ср. слова Ибн-Са'да о наджранскомъ епископѣ, прибывшемъ къ Мухаммеду: ابو الحارث استقیهم وحریمهم وامامهم وصاحب مدراسهم (J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, IV, p. v7; переводъ р. 19.: Abu-l-Harith, ihr Bischof, Rabbiner (sic), Imam, Schulvorsteher).

3) Snouck-Hurgronje, Mekka, II, 228 f. Текстъ въ изданіи Вюстенфельда, Die Chroniken der Stadt Mekka, III, 174.

4) Nerchakhy, ed. Schefer, p. 93 внизу.

5) Утби-Манини, II, 299 сл. Изъ разсказа видно, что всѣ помѣщенія медресе (кроме, вѣроятно, аудиторіи) были отведены подъ бібліотеку и наполнены рукописями. Преподаватели, получавшіе содержаніе, не жили въ медресе, но только приходили туда читать лекціи. Въ томъ же трудѣ (II, 331) упоминается медресе, построенное братомъ Махмуда, Насромъ, въ Нишапурѣ.

6) Baihaki, ed. Morley, p. 248.

7) Особенно характерны слова Джувейни (изд. Мухаммеда Казвини, стр. 76): اشتقاق بخارا از بخارست که بلغت مغان صحیح علم باشد واین لفظ بلغت بت پرستان ایغور وختای نزدیکست که معابد ایشان که موضع بتان است بخار کویند.

Естественно, что ханаки и медресе строились преимущественно въ такихъ мѣстахъ, которыя еще раньше были предметомъ культа, какъ и Низам-ал-Мулькъ построилъ свое медресе въ Багдадѣ рядомъ съ могилой Абу-Ханифы¹⁾. Въ Самаркандѣ мѣстомъ культа издавна была могила двоюроднаго брата пророка, Кусамы ибн-Аббаса, теперь известнаго подъ прозваніемъ «шах-и-зидэ» (живой царь); здѣсь было медресе еще въ XII в.²⁾, какъ въ послѣдствіи снова въ XIX в.³⁾. Въ XIV в., во время путешествія Ибн-Батуты, медресе въ этомъ мѣстѣ, повидимому, не было, но рядомъ съ высокимъ куполомъ надъ гробницей Кусамы находилась гостиница (*zāwiya*), т. е. вѣроятно ханака; постройка считалась до-монгольскаго происхожденія⁴⁾. Недалеко отъ мавзолея Кусамы были похоронены при жизни Тимура его сестры Кутлугъ-Турканъ-Ага (умершая въ 1383 г.) и Ширинъ-бекъ-Ага⁵⁾, послѣ его смерти одна изъ его вдовъ, Туманъ-Ага. Последняя еще при жизни Тимура построила здѣсь ханаку. Тимуръ въ 1399 г. послѣ возвращенія изъ индійскаго похода сначала поклонился гробницѣ Кусамы, потомъ прибылъ въ ханаку Туманъ-Аги⁶⁾; въ той же ханакѣ онъ принялъ своего внука Мухаммедъ-Султана и привезенные имъ подарки⁷⁾; во время постройки соборной мечети Тимуръ, чтобы лучше слѣдить за постройкой, проводилъ большую часть времени вблизи мечети, въ медресе своей старшей жены Сарай-Мулькъ-ханымъ, противъ котораго строилась мечеть, или въ ханакѣ Туманъ-Аги⁸⁾. Та же ханака упоминается въ разсказѣ объ осадѣ города въ 1454 г.; одинъ изъ предводителей войска, осаждавшаго Самаркандъ, занялъ ханаку Туманъ-Аги (очевидно, она находилась внѣ городскихъ стѣнъ) и оттуда производилъ осадныя работы⁹⁾.

Изъ всего этого ясно видно, что подъ ханакой Туманъ-Аги нельзя понимать *только* тотъ небольшой мавзолей, который теперь возвышается

1) Recueil de textes relatifs à l'hist. des Seldjucides, ed. Houtsma, II, 32, 16.

2) Сам'ани, изд. Margoliouth, 483b; было приведено мною въ Турк. въ эпоху монг. нашествія, I, 65. Абу-Тахиръ-ходжа, ссылаясь на «Исторію Нишапура», называетъ это медресе постройкой султана Санджара (Самарія, изд. Н. И. Веселовскаго, стр. 22 внизу и 50, 9).

3) Самарія, стр. 25, 18. Объ уничтоженіи зданія при русскомъ владычествѣ предл., стр. VII.

4) Ibn-Batoutah, III, 52 сл.

5) О смерти первой *ظفرنامه*, I, 355, гдѣ говорится о построенныхъ ею *مدارس وخوانق*, безъ указанія мѣста. О смерти второй въ *ظفرنامه* не говорится; дата съ мавзолея—787 (1885-6).

6) *ظفرنامه*, II, 193; ср. также слова первоисточника въ Текстахъ по исторіи Средней Азіи, I, 203.

7) *ظفرنامه*, II, 196.

8) Ibid. 197 наверху; о мѣстоположеніи медресе противъ мечети II, 597: *و در مدرسهٔ سرای ملک خان که در مقابل جامع واقع است نزول فرمود*.

9) *مطلع السعديين*, рук. унив. 167, л. 2996.

надъ могилой царицы¹⁾. Мавзолей, по всей вѣроятности, занимаетъ только небольшую часть площади бывшей ханаки. Этотъ фактъ имѣетъ значеніе для рѣшенія вопроса, что понимали подъ ханакой въ эпоху Тимура. Какъ Н. И. Веселовскій, такъ и В. Л. Вяткинъ полагаютъ, что слово «ханака» въ это время уже утратило свое первоначальное значеніе; по мнѣнію Н. И. Веселовскаго²⁾, оно употреблялось въ смыслѣ «усыпальница свѣтскаго лица» и противопологалось слову «мазаръ»; по мнѣнію В. Л. Вяткина³⁾, подъ ханакой понимали «помѣщеніе первоначально въ значеніи монастыря, а въ описываемое время въ значеніи помѣщенія для молитвы». Ни то, ни другое мнѣніе не подтверждается свидѣтельствомъ источниковъ. По моему мнѣнію, приведенныя выше слова о постройкахъ Улугбека доказываютъ, что слово «ханака» употреблялось въ XV в. именно въ своемъ первоначальномъ значеніи: обитель для суфіевъ (дервишей)⁴⁾. Ханака могла служить мѣстомъ погребенія свѣтскаго лица, строителя ханаки, но могла быть также «мазаромъ», такъ какъ въ ней хоронились и духовныя лица, бывшіе настоятели обители. Такъ, по словамъ В. Л. Вяткина, «мазаръ» ходжи Абди-Даруна близъ Самарканда является также «ханакой»⁵⁾; ханакой назывался также уничтоженный при русскомъ владычествѣ мазаръ святого Нур-аддина Басира (Кутб-и-Чахардахумъ) въ самаркандской цитадели⁶⁾. Прахъ святого въ этомъ случаѣ находился въ особой «пристройкѣ» при главномъ зданіи⁷⁾, очевидно, имѣвшемъ первоначально иное назначеніе. Въ мартѣ 1915 г. Л. А. Зиминымъ было осмотрѣно зданіе Имамъ-Бахрѣ, близъ развалинъ Дабуси въ Бухарскомъ ханствѣ; въ письмѣ изслѣдователя ко мнѣ зданіе названо «мечетью», въ надписяхъ на доставленныхъ мнѣ фотографическихъ снимкахъ — ханакой; слово «имамъ» показываетъ, что оно связано съ памятью о духовномъ, а не о свѣтскомъ лицѣ. Въ трудѣ Джами, между прочимъ, говорится о «ханакѣ» одного шейха въ Ширазѣ; въ этой ханакѣ шейхъ прожилъ 30 лѣтъ и въ пей же былъ похороненъ въ 473 г.

1) По мнѣнію В. Л. Вяткина (Справ. кн. Самарк. обл., VI, 250), «подъ ханакой здѣсь, вѣроятно, разумѣется большая мечеть при усыпальницѣ Туманъ аки, отдѣленная отъ входа въ длинный корридоръ предъ мазаромъ Куссама небольшимъ корридорчикомъ».

2) Самарк. мечети, предисл., стр. V.

3) Справ. кн. Самарк. обл., VIII, 294.

4) Подобно христіанскому монастырю, ханака эпохи тимуридовъ была также странно-пріимнымъ домомъ. Въ сборникѣ документовъ XV в., сохранившемся въ рукописи Брит. муз. № 7731, есть, между прочимъ, ферманъ о постройкѣ медресе и ханаки (л. 62а); здѣсь встрѣчается выраженіе خانقاه مسافريناه (л. 62б).

5) Матеріалы къ исторической географіи Самарк. виллета, стр. 81.

6) Ibid., стр. 17.

7) Самарія, изд. Н. И. Веселовскаго, предисл., стр. VII.

(1080—1)¹⁾. Очевидно, и въ этомъ случаѣ «ханака» была тождественна съ «мазаромъ»²⁾.

Мазаръ Нур-ад-дина Басира, умершаго, по словамъ его біографа³⁾, въ зу-л-ка'да 646 г. (Февраль—мартъ 1249), считался постройкой Тимура, хотя объ этой постройкѣ, какъ, впрочемъ, и о многихъ другихъ, историки не упоминаютъ. Подобно шахрисябзскому шейху, Нур-ад-динъ Басиръ принадлежалъ къ школѣ Сухраверди⁴⁾ и къ представителямъ «громкаго» зикра⁵⁾. Въ Самаркандѣ къ почитателямъ Нур-ад-дина Басира принадлежали шейх-ал-исламъ Абд-ал-Меликъ⁶⁾, потомокъ автора «Хидай», и шейхъ Бурхан-ад-динъ Сагарджи; послѣдній умеръ въ Китаѣ, но поручилъ своему сыну Абу-Са'иду отвести его тѣло въ Самаркандъ и похоронить его «ниже ногъ» (پایان پای) Нур-ад-дина; сынъ исполнилъ волю отца; тѣло было привезено въ Самаркандъ и похоронено въ мѣстѣ Рухабадъ, причѣмъ оказалось, что это мѣсто, дѣйствительно, находилось непосредственно ниже мазара Нур-ад-дина⁷⁾. Біографъ послѣдняго прибавляетъ, что Абу-Са'идъ, вступившій въ родство съ «родомъ автора Хидай», т. е. съ семьей самаркандскаго шейх-ал-ислама, слѣлалъ почитателемъ Нур-ад-дина самого Тимура⁸⁾. Въ исторіи Тимура «шейхъ-задэ Сагарджи», т. е. Абу-Са'идъ, упоминается въ разсказѣ о событіяхъ 1383 г., когда онъ вмѣстѣ съ шейх-ал-исламомъ Абд-ал-Меликомъ старался утѣшить Тимура, слишкомъ предававшагося горю послѣ смерти своей сестры Кутлугъ-Туркалъ⁹⁾. По разсказу Абу-Тахиръ-ходжи мазаръ Нур-ад-дина

1) نغمات, стр. 177.

2) Вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ слово «ханака» въ настоящее время въ Туркестанѣ, еще не вполне выясненъ. По словамъ В. Л. Вяткина (Справ. кн. Самарк. обл. VI 246) «теперь большинство ханакъ обращены въ обыкновенныя мечети»; то же самое сказано въ Сборн. матер. по мусульманству, подъ ред. В. И. Ярового-Равскаго (С.-Иб. 1899), стр. 25; по другому мѣсту той же книги (стр. 43) ханакой называется мечеть въ медресе. Абу-Тахиръ-ходжа упоминаетъ о широкой и высокой «ханакѣ» съ мивбаромъ впереди (или со стороны фасада, در پیشگاه) «медресе», построеннаго министромъ НаDIRъ-Мухаммедомъ къ сѣверу отъ «мазара» хаджи Ахрара (Самарія, изд. П. И. Веселовскаго, стр. 20 сл.; переводъ В. Л. Вяткина, Справ. кн., VI, 174).

3) Объ этой біографіи (приложенной къ «Кандіе») см. ЗЗО XVIII, 0187.

4) Учитель Нур-ад-дина шейхъ Зейн-ад-динъ Кун-Арифѣни былъ сыномъ (فرزند) Шихаб-ад-дина Сухраверди, потомка халифа Абу-Бекра (قندیّه), рук. унив. 859, стр. 178); по Джани (نغمات), стр. 269) потомкомъ Абу-Бекра былъ другой Сухраверди, Зія-ад-динъ, также Groskelshap I, 436. Зейн-ад-динъ, однако, въ то же время былъ ученикомъ Юсуфа (въ текстѣ по ошибкѣ Абу-Юсуфъ) Хамадани (قندیّه, стр. 172).

5) Самарія, стр. 29, 14.

6) قندیّه, стр. 206.

7) قندیّه, стр. 208—212.

8) Ibid., о родствѣ стр. 211, о Тимурѣ стр. 212.

9) ظفرنامه, I, 356. Въ نغمات (унив. рук., л. 127а—б) упоминаются шейхъ Бурхан-ад-динъ Абризи, мюридъ Бабъ-Мачина, прибывшаго изъ Мачина (т. е. южнаго Китая) въ Шашъ (область Ташкента) и его внукъ со стороны матери Абу-Са'идъ Абризи, современникъ

спачала находился вѣдѣ цитадели, на берегу арыка Наваданъ, и былъ перенесенъ въ цитадель при Тимурѣ, по совѣту шейха Абу-Са'ида¹⁾. О Рухабадѣ, т. е. мазарѣ Бурхан-ад-дина Сагарджи, говорится, что онъ находится близъ южной стѣны цитадели; зданіе также считалось постройкой Тимура²⁾. Мазаръ Рухабадъ существуетъ и теперь; изученіе его производилось въ 1908 и 1909 гг. подъ руководствомъ Н. И. Веселовскаго, на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи³⁾.

Культомъ Насир-ад-дина Басира и Бурхан-ад-дина Сагарджи, вѣроятно, объясняется, почему именно это мѣсто было избрано внукомъ Тимура, Мухаммедъ-Султаномъ, для постройки медресе и ханаки. Источники впрочемъ не говорятъ о причинахъ выбора мѣста; Ибн-Арабшахъ только упоминаетъ о томъ, что медресе находилось «близъ извѣстнаго мѣста Рухабадъ»⁴⁾. Не опредѣляется также время постройки медресе. Изъ словъ Шереф-ад-дина, что зданіе было въ первый разъ осмотрѣно Тимуромъ послѣ его возвращенія въ Самаркандъ въ 1404 г.⁵⁾, можно заключить, что постройка была закончена уже послѣ выступленія Тимура въ такъ называемый «семилѣтній» походъ, т. е. послѣ сентября 1399 г.⁶⁾. Уже весной 1401 г. зданіемъ пользовались для цѣлей преподаванія, но не для чтенія лекцій по наукамъ, а для обученія Корану «мамлюковъ» (т. е. воиновъ) Мухаммедъ-Султана и сыновей эмировъ, т. е. бековъ; эта обязанность была возложена на ученаго чтеца Корана Джемаль-ад-дина Ахмеда Хорезми, «имама Мухаммедъ-Султана при его жизни и имама его медресе послѣ его смерти» (впослѣдствіи онъ былъ хатибомъ въ Брусѣ, гдѣ умеръ въ 831 = 1427 — 8 г.); Ибн-Арабшахъ зналъ его лично и передаетъ рассказы съ его словъ⁷⁾. О Мухаммедъ-Султанѣ Ибн-Арабшахъ говоритъ еще, что онъ вообще былъ покровителемъ ученыхъ⁸⁾, о медресе — что оно было «крѣпкимъ» зданіемъ (الحصينة)⁹⁾.

Выступая въ походъ въ 1399 г., Тимуръ оставилъ Мухаммедъ-Султана правителемъ Самарканда; въ концѣ марта 1401 г. онъ изъ Дамаска вызвалъ его къ себѣ, рѣшивъ передать ему престолъ Хулагу-хана, т. е. управление сѣверо-западными областями Персіи¹⁰⁾. Свиданіе дѣда съ

ходжи Ахрара. Собственныя имена этихъ лицъ и упоминаніе о Китаѣ заставляютъ предполагать нѣкоторую связь между ними и шейхами Сагарджи.

1) Самарія, стр. 29 сл.

2) Ibid., стр. 32.

3) О представленіи чертежей см. «Извѣстія» Комитета, серія II, № 1, стр. 8.

4) Ибн-Арабшахъ, каирское изд., стр. 181.

5) ظفرنامه, II, 595: حضرت نیاخته بود تا غایت که ساخته بودند عز ملاحظه آن حضرت نیاخته بود.

6) Дата выступленія по ظفرنامه, II, 209 — среда 8 муххаррема 802 г. (10 сент. 1399).

7) Ибн-Арабшахъ, стр. 239 сл.

8) Ibid., стр. 142.

9) Ibid., стр. 144.

10) ظفرنامه, II, 345.

внукомъ произошло только зимой, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, въ Карабагѣ¹⁾. Мухаммедъ-Султанъ принялъ дѣятельное участіе въ военныхъ событіяхъ 1402 г. и доходилъ до западнаго берега Малой Азіи²⁾, но на обратномъ пути заболѣлъ и умеръ въ понедѣльникъ 18 ша'бана 805 г. (12 марта 1403) въ трехъ переходахъ къ востоку отъ Карахисара, 29 лѣтъ отъ роду³⁾. Тимуръ и все его войско горячо оплакивали молодого царевича, считавшагося наслѣдникомъ престола; плачь и трауръ продолжались даже послѣ отправленія тѣла на востокъ; при выступленіи изъ Акшехра обрядъ оплакиванія совершался утромъ и вечеромъ; все войско носило одежду чернаго или синяго цвѣта; нельзя было даже ѣздить на бѣлыхъ коняхъ; только черезъ нѣсколько дней Тимуръ, по ходатайству военачальниковъ, велѣлъ снять трауръ.

По приказанію Тимура, гробъ (تابوت) съ тѣломъ Мухаммедъ-Султана былъ поставленъ на носилки (محنه); отряду въ 200 всадниковъ было поручено отвезти его въ городъ Оникъ⁴⁾ (въ округѣ Эрзерума). Тамъ часть отряда должна была переложить тѣло въ новый гробъ и отвезти его для временнаго погребенія въ окрестности Султаніи, къ мазару пророка Кайдара (قیدار پیغمبر)⁵⁾; другая часть должна была остаться съ носилками и заколоченнымъ пустымъ гробомъ въ Оникѣ⁶⁾.

Этотъ пустой гробъ имѣлъ значеніе для поминокъ, которыя Тимуръ устроилъ своему внуку послѣ своего прибытія въ Оникъ. Туда же пріѣхали изъ Султаніи царицы и царевичи; во время печальнаго обряда былъ принесенъ пустой гробъ, и надъ нимъ съ рыданіемъ склонилась мать Мухаммедъ-Султана, Суюнъ-бекъ или Суюнъ-Ага, внучка хана Узбека, болѣе известная подъ своимъ титуломъ «ханзада» (ханская дочь)⁷⁾. Все пужное для траура было приобрѣтено царицами по дорогѣ въ Тебризѣ; снова всѣ облеклись въ траурныя одежды, черныя и сіиія. Послѣ угощенія, раздачи милостыни и выполненія религиозныхъ обрядовъ сейидами и улемами, прибывшими изъ Султаніи, Тебриза, Казвина и другихъ городовъ, принесли барабанъ (کورکه) умершаго царевича; царицы, беки и воины подняли плачь,

1) Ibid. 381 сл.

2) Ср. ibid. 480 о взятіи имъ Фоджи (къ сѣверу отъ Смирны).

3) Ibid. 492.

4) О мѣстоположеніи города Якутъ, I, 408.

5) Объ этомъ мазарѣ мнѣ не приходилось встрѣчать другихъ извѣстій.

6) ظفرنامه, II, 498.

7) Дочь Акъ-Суэи, брата хорезмійскихъ владѣтелей Хусейна и Юсуфа (ibid., I, 242); выдана за Джахангира въ 1374 г. (I, 252); впоследствии была женой другого сына Тимура, Мираншаха (I, 569; II, 205 сл. и друг.). Сыномъ ея отъ Мираншаха былъ Халиль (Клавихо, стр. 281).

послѣ чего барабанъ былъ разрѣзанъ на куски. Послѣ окончанія обрядовъ траурная одежда снова была свята¹⁾.

Въ мартѣ 1404 г., въ годовщину смерти царевича, снова были устроены поминки; Тимуръ находился въ то время въ Карабагѣ, недалеко отъ берега Аракса. Поминки на этотъ разъ состояли только въ угощеніи и выполненіи религиозныхъ обрядовъ. Мать царевича получила позволеніе отправиться въ Султанію, взять оттуда тѣло сына и отвезти его въ Самаркандъ²⁾. По всей вѣроятности, это было тогда же исполнено. Самъ Тимуръ прибылъ въ Султанію въ четвергъ 20 шаввала (1 мал), принялъ тамъ деньги и другія приношенія, доставленныя сборщиками податей изъ Гиляна, и уже черезъ два дня отправился дальше въ Казвинъ³⁾. Очевидно, гробъ съ тѣломъ въ то время уже былъ увезенъ изъ Султаніи, иначе Тимуръ навѣрное посѣтилъ бы могилу внука. Ибн-Арабшахъ рассказываетъ, что по приказанію Тимура всѣ жители Самарканда, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, должны были встрѣтить тѣло съ плачемъ, въ траурной одеждѣ⁴⁾.

О погребеніи Мухаммедъ-Султана Ибн-Арабшахъ только говоритъ, что онъ былъ похороненъ въ построенномъ имъ медресе. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ Шереф-ад-динъ и Клавихо. Тимуръ, по разсказу Шереф-ад-дина, вернулся въ Самаркандъ въ мухарремѣ 807 г. (іюль — августъ 1404)⁵⁾, остановился въ «саду чинара» въ окрестностяхъ города⁶⁾ и тотчасъ совершилъ поѣздку въ самый городъ къ медресе Мухаммедъ-Султана, гдѣ, очевидно, находилось тѣло царевича (на это указываетъ и употребленіе термина زیارت); гдѣ и въ какой обстановкѣ оно лежало, неизвѣстно; къ постройкѣ особаго мавзолея Тимуръ приступилъ только нѣкоторое время спустя, когда окончательно переѣхалъ въ городъ и остановился въ «домѣ» (خانه) покойнаго царевича, вѣроятно, находившемся недалеко отъ медресе. Тогда же было приказано построить рядомъ съ медресе куполообразный надгробный мавзолей; «согласно приказанію передъ фасадомъ площади (در پیشگاهِ ساحه) ханаки⁷⁾, смежно съ южной суфой, возвели куполь, подобный небу, сложили нижнюю часть стѣнъ (ایزاره) изъ мрамора,

1) ظفرنامه, II, 507—511.

2) Ibid., II, 565 сл. По этому разсказу, поминки состоялись послѣ наступленія мѣсяца рамадана, т. е. послѣ 13 марта.

3) Ibid., II, 574.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 143 сл.

5) О слѣдованіи Тимура черезъ Шахрисябъ въ Самаркандъ ср. выше стр. 5, прим. 3.

6) Садъ находился къ югу отъ города, недалеко отъ городской стѣны (باجر نامه), изд. Beveridge, л. 46а.

7) По переводу В. Л. Вяткина (Справ. кн., VIII, 294) «передъ открытой стороной ханакы».

украшеннаго золотомъ и лазурью, приготовили склепъ (مسردابه) для погребенія, разрушили нѣсколько домовъ вокругъ зданія и устроили подобный раю садикъ¹⁾. Послѣ этого Шереф-ад-динъ переходитъ къ разсказу о другихъ постройкахъ и пирахъ Тимура и до разсказа о смерти и погребенія самого Тимура больше не возвращается къ мавзолею Мухаммедъ-Султана.

Изъ разсказа Клавихо, прибывшаго въ Самаркандъ 8-го сентября того же года, мы знаемъ, что Тимуръ посѣщалъ медресе и гробницу внука и позже. Въ четвергъ 30-го октября въ память царевича былъ устроенъ «праздникъ въ родѣ поминокъ» (fiesta como vegilla); среди приглашенныхъ на этотъ праздникъ были и испанскіе послы; имъ показали «часовню» (capilla) и «гробницу» (enterramiento), устроенныя для внука Тимура. Нѣсколько выше говорится, что Тимуръ для погребенія внука велѣлъ построить «домъ и мечеть» (casas é mezquita) и что въ этомъ домѣ остановился самъ Тимуръ, когда прибылъ въ городъ изъ «орды»; дальше говорится о «мечети и гробницѣ» (mezquita é enterramiento), построенныхъ, по приказанію Тимура, городскимъ управленіемъ Самарканда. Изъ всего этого не вполне ясно, понимаетъ ли авторъ подъ домомъ, мечетью, часовней и гробницей четыре различныхъ зданія. Описывается только одно зданіе, которое авторъ называетъ часовней и которое, повидимому, было уже вполне закончено. Зданіе было четырехугольное, очень высокое, расписанное внутри и снаружи золотомъ и лазурью в отдѣланное изразцами и стекломъ. Клавихо слышалъ, что Тимуръ нашелъ «часовню», выстроенную городомъ, слишкомъ низкой и потому велѣлъ ее разрушить и вновь выстроить въ десять дней, что и было исполнено; Клавихо удивлялся, какъ такая работа могла быть выполнена въ такой короткій срокъ²⁾.

По мнѣнію Н. И. Веселовскаго³⁾, разсказы Шереф-ад-дина и Клавихо относятся не къ зданію Гуръ-эмиръ; но къ первоначальной усыпальницѣ Тимура, развалины которой падаются въ небольшомъ разстояніи отъ этого зданія. В. Л. Вяткинъ⁴⁾, напротивъ, убѣждаетъ, что имѣется въ виду именно Гуръ-эмиръ, причемъ, конечно, отпадаютъ и признаются ошибкой слова Клавихо о десятидневномъ срокѣ постройки. По мнѣнію В. Л. Вяткина, постройка мавзолея вообще не была закончена при жизни Тимура, вслѣдствіе чего Мухаммедъ-Султанъ и самъ Тимуръ «первоначально похоронены были въ хапакѣ при медресе названнаго царевича»⁵⁾;

1) ظفرنامه، II, 595—597.

2) Жизнь Тамерлана, стр. 314 сл.

3) Самарк. мечети, стр. V сл.

4) Справ. кн., VIII, 296 сл.

5) Ibid. 297.

эта «ханака и временная усыпальница Мухаммедь-Султана» и есть то здание, которое «расположено всего въ 30—40 шагахъ отъ зданія Гурь-эмиръ и въ настоящее время находится въ полуразрушенномъ видѣ»¹⁾.

При этомъ, однако, оставляются безъ вниманія слова Шериф-ад-дина, что постройка воздвигалась «смежно съ южной суфой ханаки». Какъ бы ни толковать слово «суфа» (къ этому вопросу мы сейчасъ вернемся), ясно, что новое зданіе должно было находиться къ югу отъ ханаки; слѣдовательно, ханаку, если принять мнѣніе В. Л. Вяткина, надо было бы искать къ сѣверу отъ Гурь-эмира. Свѣдѣнія въ печати о мѣстоположеніи старой усыпальницы по отношенію къ Гурь-эмиру не вполне ясны. Самъ В. Л. Вяткинъ въ другомъ мѣстѣ помѣщаетъ старую усыпальницу «саженяхъ въ 50-ти отъ Гурь-эмира къ югу»²⁾, Н. И. Веселовскій — къ востоку (безъ указанія разстоянія)³⁾. Въ маѣ 1915 г. В. Л. Вяткинъ любезно сообщилъ мнѣ частнымъ письмомъ, что старая усыпальница носитъ названіе Акъ-сарай, что кратчайшее разстояніе между ней и Гурь-эмиромъ, по инструментальному измѣренію, 27 сажень, въ направленіи ю.-в.-в. При такихъ условіяхъ приходится признать болѣе вѣроятнымъ, что въ 1404 г. строился Акъ-сарай и что Гурь-эмиръ тогда былъ «ханаккой» при медресе Мухаммедь-Султана⁴⁾.

Въ пользу этого, повидимому, говорятъ также слова о постройкѣ мавзолея передъ фасадомъ ханаки. Характеръ зданія Гурь-эмиръ въ послѣдствіи настолько измѣнился, что вопросъ о первоначальномъ мѣстоположеніи фасада и главныхъ дверей вызываетъ споры. Вамбери⁵⁾ утверждалъ, что входъ въ зданіе обращенъ на востокъ, а фронтонъ, «согласно требованіямъ закона»(?), на югъ «въ сторону кибль» (т. е. на юго-западъ). Въ настоящее время употребляется только боковой западный входъ, надъ которымъ находится извѣстная надпись съ именемъ персидскаго архитектора Мухаммеда ибн-Махмуда исфаханскаго (извѣстно, что ни имени Тимура, ни имени Мухаммедь-Султана на зданіи нѣтъ — рѣдкій въ исторіи

1) Ibid. 299.

2) Справ. кн., IV, отд IV, стр. 33, прим. 4.

3) Самарк. мечети, стр. VIII.

4) Неизвѣстно, на чемъ основаны крайне сбивчивыя показанія Абу-Тахирь-ходжи (Самарія, стр. 32; Справ. кн., VI, 184), по которымъ Тимуръ построилъ «гумбезъ» къ западу отъ медресе Мухаммедь-Султана (въ текстѣ по ошибкѣ «Пиръ-Мухаммедь-Султанъ») и въ то же время къ сѣверу отъ гумбеза построилъ (другое?) «высокое медресе».

5) Vambery, Reise in Mittelasien, S. 168: «Der Eingang in die Kapelle ist gegen Osten, die Front der Vorschritt gemäss gegen Süden (Kible)». Русскій переводъ (съ англійскаго; оригиналъ вышелъ одновременно на двухъ языкахъ): «Въ часовню входить съ запада, а фронтонъ ея, согласно съ законами, выходитъ на югъ» (Путешествіе по Средней Азій, С.-Пб., 1866, стр. 106).

архитектуры этой эпохи примѣръ, когда постройка сохранила имя архитектора и не сохранила имени царственного строителя). По мнѣнію В. Л. Вяткина, «расположеніе двухъ бывшихъ при Гурь-эмирѣ минаретовъ указываетъ на то, что фасадъ зданія, а слѣдовательно и главные двери были обращены на сѣверъ». В. Л. Вяткинъ пользуется этимъ фактомъ, какъ лишнимъ доводомъ противъ мнѣнія, что постройка первоначально служила мѣстомъ молитвы, такъ какъ отступленіе отъ обычая устраивать главный входъ въ мечеть съ восточной стороны допускалось только въ силу необходимости. Противъ этого довода говорить, однако, замѣчаніе самого В. Л. Вяткина, что первоначально по сторонамъ зданія могло быть не два минарета, какъ въ эпоху русскаго завоеванія, а четыре¹⁾. Если зданіе было ханакой и если входъ въ него былъ съ восточной стороны, то слова о постройкѣ мавзолея «передъ фасадомъ» ханаки съ нѣкоторымъ отклоненіемъ къ югу («смежно съ южной суфой») вполне соответствовали бы мѣстоположенію Акъ-сарая.

Слово «суфа» какъ Н. И. Веселовскій²⁾, такъ и В. Л. Вяткинъ³⁾ переводятъ словомъ «эстрада», безъ всякихъ поясненій; между тѣмъ въ литературѣ послѣдующей эпохи этотъ архитектурный терминъ употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Такъ называлось возвышеніе внутри зданія, между прочимъ въ Гурь-эмирѣ эстрада съ надгробіемъ одного изъ двухъ похороненныхъ въ этомъ зданіи шейховъ, сейда Омара⁴⁾. Иногда слово «суфа» употребляется какъ синонимъ слова «дахма» (гробница); такъ извѣстная «дахма» шейбанидовъ въ Самаркандѣ⁵⁾ называется также суфой⁶⁾. Не о такой «суфѣ», очевидно, говорится въ разсказѣ о постройкѣ мавзолея рядомъ съ «южной суфой» ханаки. Чтобы понять значеніе этого термина въ данномъ случаѣ, необходимо обратиться къ разсказу того же Шереф-ад-дина о постройкѣ мазара Хазретъ-Султана въ городѣ Туркестанѣ⁷⁾. Зданіе состояло изъ арки (طاق) съ двумя минаретами и двухъ куполообразныхъ построекъ (гумбезовъ) съ квадратнымъ основаніемъ, одного большого (сторона—30 гязовъ), другого меньшаго (сторона—12 гязовъ); при этомъ упоминаются «чехаръ-суфа» для могилы святого «въ сторону киблы отъ большого гумбеца, смежно съ нимъ», и двѣ другихъ «чехаръ-

1) Справ. кн., VIII, 300.

2) Самарк. мечети, стр. VII.

3) Справ. кн., VIII, 294.

4) Самарія, стр. 33. Справ. кн., VI, 184.

5) Ср. описаніе ея въ статьѣ Н. И. Веселовскаго «Подробности смерти узбекскаго хана Мухаммеда Шейбани» (изъ III т. 8-го Археол. Съѣзда въ Москвѣ), стр. 7 сл.

6) Самарія, стр. 18, 2. Справ. кн. VI, 171 и 242.

7) ظفرنامه, II, 9 сл.

суфы» по обѣ стороны гумбеза, каждая въ $16\frac{1}{2}$ гязовъ въ длину и $13\frac{1}{2}$ въ ширину, для устройства собраній (جهت جماعت خانہ). Слово «чехаръ» въ данномъ случаѣ, очевидно, есть не числительное «четыре», но часть сложнаго термина; «чехаръ-суфа» значитъ не «четыре суфы»¹⁾, а «большая четырехугольная суфа». Къ сожалѣнію, въ настоящее время еще не опубликованы планы и чертежи зданія Хазретъ-Султанъ, изготовленные въ 1905 г. на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи²⁾; по этимъ планамъ, вѣроятно, можно было бы точно установить, какимъ частямъ зданія соотвѣтствуютъ упоминаемыя Шереф-ад-диномъ чехаръ-суфы. Суфы, какъ помѣщенія для дервишей, были и при другихъ ханакахъ; такъ Джами³⁾ рассказываетъ о пребываніи въ Дизфулѣ, въ ханакѣ шейха Исмаила Касри, хорезмійскаго шейха Неджм-ад-дина Кубра, котораго помѣстили «въ суфѣ миянь-сарая⁴⁾, напротивъ суфы дервишей».

Приведенныя выше данныя ясно показываютъ, что въ 1404 г. строился только гумбезъ, или, по выраженію анонимнаго автора تاريخ الخيرات, «куполь медресе и ханаки»⁵⁾, гдѣ былъ погребенъ царевичъ; самыя зданія медресе и ханаки давно были готовы. Акъ-сарай, какъ видно даже изъ описанія В. Л. Вяткина, вполне соотвѣтствовалъ своему назначенію. Зданіе «внутри весьма богато украшено изразцами и расписано краской и позолотой. Работа замѣчательно тонкая и художественная. Рисункъ въ другихъ древнихъ самаркандскихъ постройкахъ не повторяется»⁶⁾. Послѣ этого едва ли можно утверждать, по примѣру В. Л. Вяткина, что зданіе было ханакой и только случайно, вслѣдствіе незаконченности мавзолея, сдѣлалось мѣстомъ погребенія Мухаммедъ-Султана и самого Тимура. Ни въ сочиненіи Клавиho, ни въ другихъ источникахъ мы не находимъ указаній, что постройка мавзолея въ 1404 г. была только начата, но не закончена. В. Л. Вяткинъ ссылается на рассказъ Клавиho о приѣмѣ посольствъ Тимуромъ въ пятницу 1-го ноября «въ томъ домѣ съ мечетью, который онъ приказалъ построить и въ которомъ тогда шли работы»; но изъ контекста видно, что въ данномъ случаѣ говорится о медресе Сарай-мулкъ-

1) Ср. особенно выраженіе دو چهار صنفه دیگر.

2) Изв. Р. Комитета, № 6 (1906 г.), стр. 23 сл. Ср. также планъ въ Проток. Турк. кружка люб. арх., XII, къ стр. 19.

3) نجات, стр. 272.

4) Слово میان سراي встречается и у Абу-Тахиръ-ходжи (Самарія, стр. 23 сл.), при описаніи зданій Шахъ-зиндэ. В. Л. Вяткинъ переводитъ его то буквально («срединный сарай»), Справ. кн., VI, 176 сл.), то словомъ «корридоръ» (ibid. 178).

5) Рук. Брит. муз. Ор. 4898, л. 2976: در قبة مدرسه و خانقاه که بنا فرموده وی بود.

6) Справ. кн., VIII, 299.

ханымъ («Биби-ханымъ») и расположенной напротивъ него знаменитой соборной мечети.

Самый вѣскій доводъ въ пользу мнѣнія В. Л. Вяткина — указаніе на надписи внутри Гуръ-эмира, гдѣ говорится только о смерти и загробной жизни. Остаются, однако, вопросы, были ли надписи сдѣланы при первоначальной постройкѣ зданія, или во время перестройки, когда въ него былъ перенесенъ прахъ Тимура, Мухаммедъ-Султана и сейида Береке. Сверхъ того такія надписи были возможны и въ ханакѣ, такъ какъ на послѣднюю всегда смотрѣли, какъ на мѣсто будущаго погребенія ея строителя. Въ одномъ изъ этихъ хадисовъ говорится о блаженствѣ чело-вѣка «кто приготовитъ себѣ могилу раньше, чѣмъ сойдетъ въ нее»¹⁾; эти слова могутъ относиться къ ханакѣ Мухаммедъ-Султана, но не къ мавзолею 1404 г., который предназначался только для умершаго царевича, а не для самого Тимура.

2.

Клавихо и его спутники покинули Самаркандъ въ пятницу 21-го ноября²⁾; въ четвергъ 27-го³⁾ въ противоположномъ направленіи выступилъ изъ Самарканда Тимуръ и началъ свое послѣднее военное предпріятіе — походъ на Китай. Извѣстно, что онъ дошелъ только до Отрара, гдѣ умеръ, по словамъ Шереф-ад-дина⁴⁾ и Ибн-Арабшаха⁵⁾, въ среду 18-го февраля 1405 г., по надгробной надписи и по словамъ анонима, писавшаго для Искендеръ-Султана, тремя днями раньше⁶⁾. Событія слѣдующаго мѣсяца, до захвата Самарканда внукомъ Тимура Халиль-Султаномъ, рассказаны довольно подробно у Шереф-ад-дина, источникомъ котораго было, повидимому, анонимное сочиненіе, сохранившееся только въ лондонской рукописи Ог. 159 и обнимающее только событія первыхъ лѣтъ послѣ смерти Тимура⁷⁾; нѣкоторые факты находятъ себѣ въ этомъ трудѣ

1) Справ. кн., IV, отд. IV, стр. 3.

2) Жизнь Тамерлана, стр. 344. Замѣчательно, что Клавихо ничего не зналъ о предстоящемъ выступленіи Тимура, не узнавъ также потомъ, что походъ состоялся, и полагая, что Тимуръ умеръ въ Самаркандѣ (ibid. 361).

3) Дата въ ظفرنامه II, 637 (23 джумада I).

4) ظفرنامه II, 661.

5) Ибн-Арабшахъ, стр. 172.

6) 14-го ша'бана 807, см. статью Л. А. Зимина въ Проток. Турк. кружка люб. арх., XIX (ср. поправку въ концѣ тома), 49 сл. Въ качествѣ дня недѣли и здѣсь названа среда, что не соответствуетъ 14-му ша'бана. Число «14» въ надгробной надписи и въ рукописи Ог. 1566 произошло, вѣроятно, отъ смѣшенія мусульманской даты съ датой по персидскому календарю (по Шереф-ад-дину 14 исфандармуда 326 г. эры Джелали).

7) О немъ Rieu, Pers. Man., p. 180.

болѣе правильное освѣщеніе и объясненіе, чѣмъ въ *ظفرنامه*¹⁾. Такъ изъ рукописи Ог. 159 видно, что не имѣлось въ виду послѣ смерти Тимура продолжать походъ до самаго Китая, какъ можно было бы думать на основаніи словъ Шереф-ад-дина; предполагалось осуществить только ближайшую цѣль предпріятія — нанести ударъ средне-азіатскимъ монголамъ²⁾. Даже для этой цѣли было необходимо на нѣкоторое время скрыть отъ всѣхъ смерть Тимура; когда это не удалось и начались смуты, пришлось не только отказаться отъ всякихъ дѣйствій противъ монголовъ, но даже уступить имъ завоеванныя Тимуромъ земли³⁾.

Гробъ съ тѣломъ Тимура былъ отправленъ въ Самаркандъ темною ночью⁴⁾. По разсказу анонимнаго автора, трупъ надушили благовоніями, розовой водой, мускусомъ и камфорой⁵⁾; гробъ поставили на носилки, украшенныя драгоценными камнями и жемчугомъ (*بلالی ودرر*); отвезеніе тѣла было поручено Ходжѣ-Юсуфу; по всей вѣроятности, онъ на пути долженъ былъ дѣлать видъ, что везетъ одну изъ женъ или наложницъ Тимура, отправленную обратно въ Самаркандъ. Царицамъ и царевичамъ было предложено, «согласно требованію шарі'ата и разсудка» (*شرعا وعتلا*), не надѣвать траурныхъ одеждъ⁶⁾. Черезъ день послѣ отправленія носилокъ были отправлены въ Самаркандъ царицы; при этомъ произошло то совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ, которое въ разсказѣ Шереф-ад-дина связывается непосредственно съ отправленіемъ тѣла Тимура.

1) Чтобы показать тѣсную связь между обоими источниками, достаточно привести начало разсказа о совѣщаніи по вопросу о престолонаслѣдін:

Ог. 159, л. 216:

هرچند وصیت حضرت خاقانی در باره امیرزاده پیر محمد بهادر صادر شده فاما چون اکنون او در قندهارست ویمکن که ضرورتی در نواحی آن مملکت که سرحد هندست روی نموده باشد او تاختی بدان اطراف کرده ودیوتر بسمرقند رسد

ظفرنامه, II, 675:

هرچند صاحب قران سعید مغفور وصیت کرده که ولی عهد امیرزاده پیر محمد باشد وما بندگان بر همان عهدیم لیکن شاهزاده مشار الیه در قندهار است وشاید که لشکر بجانب هند برده باشد وازو تا بما مسافتی بعید است

2) Ог. 159, л. 206: ترک تازی بر سر مغول برند ودمار از روزگار آن قوم فضول بر آوردند. وچون دل ازان کار بپردازند وان مہتم دینی را چاره سازند مراجعت نمایند. *ظفرنامه*, II, 673.

3) О событіяхъ на сѣверо-восточной границѣ имперіи подробнѣе всего говоритъ Ибн-Арабшахъ, стр. 183 сл. и 190.

4) Рукописью Ог. 159 не подтверждается маловѣроятный разсказъ Шереф-ад-дина (II, 668 сл.) о траурной церемоніи въ четвергъ 19-го утромъ въ лѣсу на лѣвомъ берегу Сырь-дарьи.

5) Въ рук. Ог. 159, л. 206 стихъ:

بخوشبوی وکلاب ومشک وکافور
معطر کرده در تابوتی از نور

6) Ог. 159, л. 21а.

Ходжа-Юсуфъ прибылъ въ Самаркандъ гораздо раньше царицъ, по словамъ Шереф-ад-дина уже въ понедѣльникъ 23-го февраля¹⁾, что по разстоянію между Отраромъ и Самаркандомъ едва ли возможно. Тѣло въ ту же ночь, очевидно, тайно, было опущено въ склепъ, причѣмъ были выполнены только религіозные обряды. Мѣсто погребенія названо у Шереф-ад-дина «куполомъ гробницы» (قبة مرقد), у Абд-ар-Резака Самарканди, вообще въ своемъ разсказѣ объ этихъ событіяхъ почти буквально повторяющаго слова Шереф-ад-дина, — особымъ мавзолеемъ (کنیز خاص)²⁾.

Ко времени прибытія царицъ фактъ смерти Тимура былъ уже всѣмъ извѣстенъ; послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ жены Тимура были впущены въ городъ; царевичамъ и военачальникамъ было отказано въ этомъ до рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Царицы и немногіе бывшіе съ ними царевичи³⁾ остановились въ ханакѣ Мухаммедъ-Султана, гдѣ былъ погребенъ Тимуръ⁴⁾. Въмѣстѣ съ царевнами и другими знатными женщинами онѣ выполнили обычные у кочевниковъ траурные обряды: обнажили головы и расцарапали и почернили лица; рвали себѣ волосы, бросались на землю и посыпали головы прахомъ, накрывали шею войлокомъ. При этомъ присутствовали въ траурныхъ одеждахъ бывшіе въ городѣ царевичи и вельможи, даже представители ислама, какъ шейх-ал-исламы Абд-ал-Эввелъ и Исам-ад-динъ; всѣ базарные лавки были закрыты. Печальные обряды были совершены еще разъ, съ большею торжественностью, послѣ вступленія на престолъ Халиль-Султана, занявшаго городъ ровно черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Тимура, въ понедѣльникъ 18 марта⁵⁾. Два дня спустя онъ отправился въ ханакъ Мухаммедъ-Султана, гдѣ была гробница Тимура⁶⁾. На этотъ разъ въ обрядахъ принимали участіе, въ черныхъ траурныхъ одеждахъ, не только царицы, царевичи, вельможи и должностныя лица, но все населеніе города. Для успокоенія души Тимура читали Коранъ, раздавали милостыню; нѣсколько дней кряду для угощенія толпы рѣзали лошадей, быковъ и барановъ. Послѣ этого былъ выполненъ тотъ же обрядъ, какъ во время поминокъ по Мухаммедъ-Султанѣ въ Оникѣ: съ плачемъ принесли собственный барабанъ Тимура; барабанъ своимъ звуками принялъ участіе

1) Дата (22 ша'бана) въ ظفرنامه, II, 675.

2) Рук. унив. 157, л. 1566.

3) Имена нѣкоторыхъ въ ظفرنامه, II, 704.

4) Слова текста (ظفرنامه, II, 705): مرقد مقرون که محمد سلطان را که بخانقاه اميرزاده محمد صاحبقران موبد آنجا بود محل نزول ساختند بنام ونعيم مخلص صاحبقران موبد آنجا بود محل نزول ساختند.

5) Дата (16 рамазана) въ ظفرنامه, II, 712.

6) Текстъ (ibid. 713): يادشاه سعيد مغفور آنجا بود بخانقاه اميرزاده محمد سلطان رفت که تربت محفوف برجعت.

въ траурной церемоніи, потомъ кожу его разрѣзали, чтобы онъ никому больше не служилъ¹⁾.

Въ противоположность Шериф-ад-дину, Ибн-Арабшахъ ничего не сообщаетъ ни о предварительномъ погребеніи, ни о первомъ совершеніи траурныхъ обрядовъ; по его представленію, только Халиль-Султанъ привезъ тѣло Тимура въ Самаркандъ²⁾. Тамъ оно было положено въ гробъ изъ чернаго дерева; гробъ несли люди на головѣ въ торжественной процессіи, въ которой принимали участіе, съ непокрытой головой и въ траурной одеждѣ, князья (الملوك), эмиры, вельможи и воины. Тимура похоронили въ медресе Мухаммедъ-Султана, около строителя медресе, въ склепѣ; находились ли гробницы Тимура и его внука подъ одной крышей, изъ текста не видно³⁾. Изъ обрядовъ говорится только о чтеніи Корана, раздачѣ милостыни и угощеніи; за то Ибн-Арабшахъ, одинъ изъ всѣхъ историковъ, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о внутреннемъ убранствѣ мавзолея. На могилу (قبر) Тимура были положены его одежды (اقمشة), по стѣнамъ были развѣшаны предметы его вооруженія (السحة) и утвари (امتعة); все это было украшено драгоценными камнями и позолотой; цѣна ничтожнѣйшаго изъ этихъ предметовъ равнялась подати цѣлаго округа. Съ потолка, подобно звѣздамъ на небѣ, висѣли золотыя и серебряныя люстры; одна изъ золотыхъ люстръ вѣсила 4000 мискалей (золотниковъ). Полъ былъ покрытъ шелковыми и бархатными коврами (فروش الحرير والديباغ); тѣло черезъ нѣкоторое время было переложено въ стальной (من فولاذ) гробъ, приготовленный искуснымъ мастеромъ изъ Шираза. Къ гробницѣ (حفرة) были представлены, съ опредѣленнымъ жалованіемъ, чтецы Корана и служителя, къ медресе — привратники и сторожа (التومة). Могила (قبر) пользовалась такимъ уваженіемъ, что передъ ней совершались молитвы и приносились обѣты; изъ уваженія къ ней князья (الملوك), проѣзжавшіе мимо, наклоняли голову, иногда даже сходили съ коней⁴⁾.

Трудно сказать, относился ли этотъ знакъ уваженія всегда къ гробницѣ Тимура. Еще прежде такое же уваженіе оказывали расположенной приблизительно въ той же мѣстности, въ цитадели, гробницѣ Насир-ад-дина Басира; по словамъ біографа шейха, самаркандскій шейх-ал-исламъ Абд-ал-Меликъ и другіе ученые и благочестивые люди всегда проходили

1) ظفرنامه، II، 714.

2) Ибн-Арабшахъ, стр. 178 сл.: وجهه في محفة بعد العجيلة وصبره والوى راجعا الى اسمقند.

3) Слова حفرة لحده (ibid. 181) даже говорить скорѣе прогнѣ этого.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 181.

передъ мазаромъ пѣшкомъ и даже снимали обувь¹⁾. Иное чувство къ могилѣ Тимура испытывали, конечно, находившіеся въ Самаркандѣ плѣнники; Шильдбергеръ рассказываетъ, что въ «храмѣ», гдѣ былъ похороненъ Тимуръ, по ночамъ раздавались стоны, прекратившіеся только тогда, когда уведенныхъ Тимуромъ плѣнныхъ отпустили на родину²⁾.

Не согласно съ правилами ислама убранство мавзолея было удалено только послѣ занятія Самарканда Шахрухомъ, что произошло въ маѣ 1409 г.³⁾ По разсказу Ибн-Арабшаха, Шахрухъ посѣтилъ могилу своего отца, вновь совершилъ траурные обряды, утвердилъ⁴⁾ приставленныхъ къ мавзолею (تربة) чтецовъ Корана, сторожей и служителей, но велѣлъ убрать и передать въ казну находившіеся при гробницѣ (حفرة) предметы одежды, утвари и вооруженія⁵⁾.

Съ событіями 1409 г. и слѣдующихъ лѣтъ связана, по всей вѣроятности, еще другая перемѣна, о которой говоритъ Шереф-ад-динъ, не опредѣляя точно времени. Тимуръ, всегда питавшій искреннюю любовь къ потомкамъ пророка, будто бы выражалъ желаніе, чтобы его похоронили у подножія гробницы сейида Береке; поэтому «черезъ нѣкоторое время» (بعد از چند کاه)⁶⁾ гробъ съ тѣломъ сейида перенесли изъ Андохя въ Самаркандъ и похоронили въ «куполообразной постройкѣ, воздвигнутой Тимуромъ, смежной съ суфой упомянутой ханаки»; Тимура положили, согласно его желанію, у ногъ сейида; въ ту же куполообразную постройку перевесли прахъ Мухаммедъ-Султана и похоронили рядомъ съ Тимуромъ⁷⁾.

Къ сожалѣнію, кромѣ Шереф-ад-дина (и писавшихъ съ его словъ) ни одинъ авторъ ни упоминаетъ ни о перенесеніи праха сейида изъ Андохя въ Самаркандъ, ни о перенесеніи праха Тимура и его внука изъ одного зданія въ другое. Трудно допустить, чтобы то и другое могло произойти до 1409 г. Во-первыхъ, слова Ибн-Арабшаха ясно показываютъ, что обстановка мавзолея между 1405 и 1409 гг. оставалась безъ измѣненія; во-вторыхъ, Самаркандъ въ это время принадлежалъ Халилю, Андохю

1) Рукоп. унив. 859, стр. 205 сл.

2) Путешествіе И. Шильдбергера (Зап. Имп. Новоросс. унив., годъ I, т. I, 1867), стр. 27.

3) Дата у Абд-ар-Резака Самарканди (рук. унив. 157, л. 1806)—27 зу-ль-хиджа 811= 13 мая 1409 г.

4) Такъ, повидимому, надо понимать выраженіе *استأنف معالم الخ و جدّد ترتیب الخ*.

5) Ибн-Арабшахъ, стр. 214.

6) Трудно понять, почему E. Blochet переводитъ (по тексту Хондемира) «quelques jours après» (Les inscriptions de Samarkand, Paris 1897, p. 33).

7) ظفرنامه, II, 719.

Шахруху; отношенія между этими владѣтелями были настолько враждебны, что перенесеніе тѣла сейида изъ Андоха въ Самаркандъ въ эти годы едва ли вообще было возможно. Трудъ Абд-ар-Резака, всецѣло основанный на трудѣ Хафизы-Абру¹⁾, даетъ не вполне правильное представленіе о событіяхъ; какъ при жизни Тимура, въ первоначальной редакціи *ظفرنامه*, была обойдена молчаніемъ ссора между Тимуромъ и Мираншахомъ²⁾, такъ придворный историкъ Шахруха, очевидно по желанію своего государя, въ своемъ разсказѣ о борьбѣ Шахруха съ Халилемъ и другими родственниками многое смягчаетъ, о многомъ умалчиваетъ совсѣмъ. Договоръ 1405 г. истолкованъ въ смыслѣ подчиненія Халиля верховной власти Шахруха; упоминается о томъ, что Халиль обязался выдать Шахруху деньги, принадлежавшія сыновьямъ Шахруха Улугбеку и Ибрагиму и находившіяся въ Самаркандѣ, и что Шахрухъ отправилъ за этими деньгами своихъ посланцевъ³⁾, но умалчивается о результатѣ посольства, о которомъ разсказываетъ одинъ изъ его участниковъ, историкъ Фасихъ: деньги не только не были выданы, но послы были вынуждены спастись бѣгствомъ; имъ пришлось скакать день и ночь, чтобы успѣть переправиться черезъ Амударью и вернуться къ своему государю⁴⁾. Въ февралѣ 1406 г.⁵⁾, во время битвы между Халилемъ и Пирь-Мухаммедомъ, Улугбекъ и его опекунъ Шахъ-Меликъ, несмотря на существовавшее между Шахрухомъ и Халилемъ соглашеніе, находились въ войскѣ Пирь-Мухаммеда, причемъ изъ рукописи *Ог.* 159 видно, что между Шахрухомъ и Пирь-Мухаммедомъ дѣйствительно существовалъ союзъ. Въ той же рукописи приводятся написанныя нѣсколько раньше письма Шахруха къ Мираншаху, гдѣ Шахрухъ требовалъ, чтобы Халиль уступилъ Самаркандъ Пирь-Мухаммеду и удалился въ удѣлъ, назначенный ему при Тимурѣ, именно

1) Хафизы-Абру, какъ было установлено мною въ 1914 г., писалъ исторію царствованія Шахруха уже въ первые годы этого царствованія, и эта редакція его труда сохранилась въ рукописи *Ind. Office (Ethé, Ind. Off., p. 76)*. *Ср. Изв. Акад. Наукъ* 1914, стр. 881.

2) По *ظفرنامه* Шереф-ад-дина (II, 199 сл.) походъ 1399 г. на западъ былъ вызванъ главнымъ образомъ дѣйствіями Мираншаха; въ соответствующемъ мѣстѣ *ظفرنامه* Низам-ад-дина Шами (рук. Брит. муз. *Add.* 23980, л. 1556) о Мираншахѣ ничего не говорится; походъ будто бы былъ вызванъ извѣстіемъ о несчастіяхъ (*فتور*) въ Иранѣ, особенно въ Азербайджанѣ, и о враждебныхъ дѣйствіяхъ грузинъ и армявъ.

3) Хафизы-Абру, *рукоп. Bodl. Elliot 422*, л. 126; *مطلع السعدين*, рук. унив. 157, л. 164а.

4) *تاریخ فصیحی*, рук. Аз. муз. 581а, л. 3946.

5) Дата по Ибн-Арабшаху (стр. 197) воскресенье 1 рамазана 808 г. (21 февр.), по Абд-ар-Резаку (рук. унив. 157, л. 1706) понед. 2-го рамазана (также Хафизы-Абру въ рук. *Ind. Off.*, л. 516). По рук. *Ог.* 159, л. 117а 4-го рамазана.

«въ область Байлакана, Барда, Грузію, Армению и Тифльсъ до предѣловъ Трапезунта»¹⁾).

Какъ строгій блюститель шарі'ата, Шахрухъ не могъ не очистить мавзолея Тимура отъ языческаго убранства; но очень вѣроятно, что въ Самаркандѣ его распоряженіе вызвало нѣкоторое неудовольствіе, особенно среди военнаго сословія. Перенесеніе тѣла сейида изъ Андхой, можетъ быть, имѣло цѣлью успокоить недовольныхъ; было извѣстно, что сейидъ пользовался при Тимурѣ большимъ уваженіемъ. Можно, однако, сомнѣваться въ томъ, дѣствительно ли Тимуръ желалъ быть похороненнымъ рядомъ съ сейидомъ или это желаніе было только приписано ему Шахрухомъ. Сейидъ умеръ зимой 1403—4 г. въ Карабагѣ, и тогда же было приказано отправить его тѣло въ Андхой²⁾, гдѣ находился его удѣлъ и гдѣ жили его родственники. Если бы это погребеніе считалось только временнымъ, то для сейида, вѣроятно, строился бы мавзолей въ Шахрисябзѣ; но объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Извѣстія о личности сейида Береке и о степени его вліянія на Тимура довольно скудны. Противорѣчивы извѣстія о его происхожденіи; по словамъ Ибн-Арабшаха, онъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ происходилъ изъ Египта, по другимъ — изъ Медины, по другимъ — изъ Мекки; Тимуръ, по его просьбѣ, подарилъ ему Андхой, причиславшійся къ вакфамъ священннхъ городовъ (Мекки и Медины), и эта мѣстность еще при Ибн-Арабшахѣ считалась собственностью потомковъ Береке³⁾. По словамъ Шереф-аддина, сейидъ впервые выступилъ въ 1370 г., незадолго до побѣды Тимура надъ Хусейномъ. Береке принадлежалъ къ меккскимъ шерифамъ и прибылъ въ Хорасанъ по дѣламъ вакфовъ священннхъ городовъ; Хусейнъ не только ничего не далъ ему, но даже не оказалъ ему должнаго уваженія⁴⁾; тогда онъ обратился къ Тимуру и принесъ ему барабанъ и знамя; Тимуръ исполнилъ всѣ его желанія и передалъ въ его распоряженіе всѣ суммы вакфовъ⁵⁾; о томъ, что эти вакфы находились въ Андхой, Шереф-аддинъ не упоминаетъ. Въ противоположность разсказу Шереф-аддина, по которому Береке только при Тимурѣ прибылъ въ Хорасанъ изъ Мекки, авторъ «Кандія» причисляетъ «сейида эмира Береке» къ «андхойскимъ сейидамъ», будто бы

1) Рук. Ор. 159, л. 736: *وبسویة بیلغان وبردع وکرجستان وارمینیه وتغلیس تا حدود طرادزون که بهترین معموره ربع مسکون است قناعت کرده روانه آن مملکت شود... (слѣдуютъ стихи)...*

2) ظفرنامه, II, 564.

3) Ибн-Арабшахъ, стр. 15.

4) Объ этомъ подробнѣе مطلع السعديين, рук. унив. 157, л. 606.

5) ظفرنامه, I, 194.

происходившимъ отъ брака ходжи Юсуфа андохойскаго¹⁾ и дочери имама Хасана, сына Алиа²⁾.

Шереф-ад-динъ увѣряетъ, что сейидъ всюду сопровождалъ Тимура; въ послѣдствіи они были похоронены въ одномъ мавзолеѣ, причѣмъ лицо Тимура было обращено въ сторону сейида³⁾. Въ разсказахъ объ отдѣльныхъ событіяхъ царствованія Тимура имя сейида, однако, встрѣчается рѣдко. Въ 1383 г. онъ вмѣстѣ съ другими представителями духовенства увѣщевалъ Тимура, когда тотъ слишкомъ предавался горю послѣ смерти сестры и не хотѣлъ заниматься государственными дѣлами⁴⁾; въ 1391 г. онъ произнесъ молитву предъ битвой съ Тохтамышемъ⁵⁾; въ 1392 г. онъ неудачно выступалъ посредникомъ между Тимуромъ и мазандеранскими сейидами⁶⁾. Въ концѣ 1403 г., незадолго до своей смерти, онъ прибылъ къ Тимуру въ Карабагъ; Тимуръ вышелъ изъ своего шатра, чтобы его встрѣтить; оплакивая Мухаммедъ-Султана, сейидъ снялъ съ головы чалму и началъ рыдать; Тимуръ обнялъ его, и оба вмѣстѣ долго плакали⁷⁾. Битву съ Тохтамышемъ Ибн-Арабшахъ переноситъ на берегъ Сыръ-дарья (въ дѣйствительности она произошла къ западу отъ Урала), и приписываетъ сейиду въ этой битвѣ болѣе яркую роль. Войско Тимура было уже близко къ пораженію, когда явился сейидъ, ободрилъ Тимура, сошелъ съ коня, набралъ горсть мелкихъ камней, снова сѣлъ на коня и бросилъ камни въ лицо врагамъ съ громкимъ крикомъ: «Ягы качты» (по-турецки: «врагъ бѣжалъ»). Тимуръ и всѣ его воины повторили тотъ же крикъ, бросились на враговъ, и войско Тохтамыша было разбито⁸⁾. Ибн-Арабшахъ приводитъ изреченіе Тимура, будто бы объяснявшаго всѣ свои успѣхи молитвой шейха Шемс-ад-дина Кулала, заботой шейха Зейн-ад-дина Хавафи⁹⁾ и благословеніемъ¹⁰⁾, происходившимъ отъ сейида Береке¹¹⁾.

1) Повидимому, здѣсь въ I в. хиджры перенесено лицо, жившее пятью вѣками позже. Ср. В. Бартольдъ, Туркестанъ, II, 352, пр. 2 и ЗВО XX, 047, пр. 2.

2) Рук. унив. 869, стр. 113 сл.: *در تصحيح النص سلطان سيد احمد كبير آورده اند: که امام حسن را چهار فرزند بوده يك دختر و سه پسر مانده دختر را خواجه يوسف اندخوی (sic) خواسته بوده اند و سيدان اندخو (sic) ازان دختر اند به بدنه محفوظه سمرفند مشهور الوقت سيد امير بركة عليهم الرحمة والرضوان*

3) ظفرنامه, I, 195.

4) ظفرنامه, I, 356.

5) Ibid. 538.

6) Ibid. 569. О посредничествѣ сейида Береке упоминаетъ и Захир-ад-динъ Мар'ашш (текстъ въ изд. Дорна, стр. 420).

7) ظفرنامه, II, 559 сл.

8) Ибн-Арабшахъ, стр. 15.

9) Тимуръ встрѣтился съ нимъ въ 1381 г.; стр. ظفرنامه I, 311 сл.; Ибн-Арабшахъ, стр. 20 сл.; Хафиз-Абру, рук. публ. Догл 290, л. 280б.

10) Игра словъ съ именемъ بركة.

11) Ибн-Арабшахъ, стр. 9.

Изъ словъ Шереф-ад-дина можно вывести заключеніе, что строившійся въ 1404 г. мавзолей, «смежный съ суфой ханаки», до прибытія въ Самаркандъ тѣла сейида Береке стоялъ пустымъ; прежде всего тамъ похоронили сейида, потомъ у ногъ его положили Тимура, наконецъ, перенесли въ то же зданіе тѣло Мухаммедъ-Султана¹⁾. Трудно согласить это со словами того же автора, что въ 1404 г. строилось «куполообразное зданіе для погребенія» (کنبزی جهت مرقد) Мухаммедъ-Султана²⁾ и что тѣло Тимура еще въ февралѣ 1405 г. было положено «въ куполообразное зданіе для погребенія» (قببۂ مرقد)³⁾; трудно допустить, что рѣчь идетъ о двухъ различныхъ зданіяхъ. Гораздо правдоподобнѣе, что тѣло Тимура при Халилѣ покоилось въ мавзолеѣ, построенномъ для Мухаммедъ-Султана, и что только перенесеніемъ въ Самаркандъ тѣла сейида были созданы новыя условія, не имѣвшіяся въ виду при постройкѣ 1404 года. Какъ ни велико было уваженіе Тимура къ сейидамъ и шейхамъ, извѣстія о мавзолеяхъ въ Шахрисабзѣ и сохранившіеся до сихъ поръ мавзолеи тимуровской эпохи въ Самаркандѣ показываютъ, что считалось совершенно достаточнымъ строить мавзолеи для членовъ царствующаго рода рядомъ съ могилами святыхъ; этимъ похороненному въ мавзолеѣ было обезпечено покровительство святого и въ то же время давался просторъ для той полуязыческой пышности, которой былъ окруженъ гробъ Тимура до 1409 г. и которая едва ли была бы возможна непосредственно надъ гробомъ мусульманскаго святого. По мѣрѣ укрѣпленія въ Средней Азіи идеи шарі'ата старались установить болѣе тѣсную связь между сейидами и представителями свѣтской власти; въ XIX в., какъ извѣстно, бухарскіе эмиры и хивинскіе ханы даже насильно брали себѣ женъ изъ потомковъ пророка, чтобы ихъ потомки могли присоединить къ своимъ титуламъ титулъ «сейидъ». Въ XV в. до этого еще не доходило; но уже въ XV и XVI вв. государи находили нужнымъ переносить въ мавзолеи своихъ предковъ тѣла сейидовъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется фактъ, что и въ Шахрисабзѣ прахъ отца Тимура, какъ мы видѣли, лежитъ въ одномъ мавзолеѣ съ прахомъ нѣсколькихъ сейидовъ.

Къ числу такихъ ревностныхъ сторонниковъ шарі'ата принадлежалъ и Шахрухъ. Къ сожалѣнію, ни одинъ авторъ, кромѣ Ибн-Арабшаха, не упоминаетъ о перемѣнахъ, произведенныхъ имъ въ мавзолеѣ Тимура; смутнымъ отголоскомъ этихъ перемѣнъ является, можетъ быть, фантастическій

1) ظفرنامه، II، 719.

2) Ibid. 596 внизу.

3) Ibid. 675 наверху.

разсказъ Абу-Тахиръ-ходжи, будто Шахрухъ перенесъ тѣло своего отца въ другое мѣсто («изъ страха передъ врагами»¹⁾). Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что соединеніе въ одномъ мавзолеѣ гробницы сейида и гробницы Тимура было вызвано благочестіемъ Шахруха, а не желаніемъ самого Тимура, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же мавзолей въ которое время спуска былъ перенесенъ прахъ еще другого сейида. Въ западной части мавзолея, на особомъ возвышеніи (суфѣ), находится гробница сейида Омара, четвертаго сына сейида Кулалая. О жизни сейида или «эмира» Омара извѣстно только, что онъ большей частью занималъ должность мухтасиба (не сказано, въ какомъ городѣ) и строго слѣдилъ за точнымъ соблюденіемъ предписаній о дозволенномъ и запрещенномъ; умеръ въ 803 г. (1400—1)²⁾. Источники ничего не сообщаютъ ни объ отношеніяхъ между нимъ и Тимуромъ, ни о причинахъ перенесенія его праха въ Гуръ-эмиръ. В. Л. Вяткинъ предполагаетъ, что этотъ сейидъ «до постройки еще мавзолея былъ похороненъ въ данной мѣстности, а потому, когда произвели постройку, то не пожелали нарушать покоя этого сейида»³⁾. Но въ годъ смерти сейида Омара медресе Мухаммедъ-Султана, какъ мы видѣли, по всей вѣроятности уже существовало; погребеніе сейида въ предѣлахъ этого медресе тоже требовало бы объясненія, котораго источники намъ не даютъ; объ отношеніяхъ между нимъ и Мухаммедъ-Султаномъ извѣстно столь же мало, какъ объ отношеніяхъ между нимъ и Тимуромъ. Трудно объяснить, но въ то же время крайне любопытенъ самый фактъ погребенія Тимура, пиры котораго были сплошнымъ нарушеніемъ правилъ шарі'ата, въ одномъ мавзолеѣ со строгимъ мухтасибомъ.

Изъ словъ Ибн-Арабшаха о лицахъ, приставленныхъ къ мавзолею Тимура и къ «медресе», въ составъ котораго мавзолей входилъ, ясно видно, что медресе послѣ смерти Тимура болѣе не служило для цѣлей преподаванія, какъ при жизни Мухаммедъ-Султана. Зданіе, въ которомъ находилась гробница Тимура, продолжали, однако, называть «медресе» еще при Бабурѣ⁴⁾. Въ томъ же медресе стали хоронить и другихъ представителей династїи; мавзолей постепенно становился усыпальницей тимуридовъ, хотя, по недостатку мѣста или по другимъ причинамъ, утратилъ это значеніе задолго до завоеванія Самарканда узбеками. Было бы интересно выяснитъ,

1) Самарія, стр. 33; Справ. кн., VI, 184.

2) *شجاعت*, рук. унив. 293, л. 296 сл.

3) Справ. кн., VIII, 301.

4) *بابرنامه*, ed. Beveridge, л. 46а. Къ критикѣ текста E. Blochet, *Les inscriptions de Samarkand*, стр. 23 сл.

когда и почему Гурь-эмиръ, какъ усыпальница тимуридовъ, замѣнилъ собою Шахрисябъ; но и на этотъ вопросъ источники не даютъ намъ яснаго отвѣта. Послѣ смерти Тимура слѣдующій случай погребенія члена династїи въ «медресе Мухаммедъ-Султана», о которомъ говорятъ письменные источники, произошелъ въ 1419 г.; въ этомъ году (822 г. х.) умерла молодая жена Улугбека, Эке-бегумъ (اکا بیکم), дочь Мухаммедъ-Султана, и была похоронена «рядомъ со своимъ отцомъ въ его медресе»¹⁾. Именно эта гробница въ Гурь-эмирѣ, насколько извѣстно, не сохранилась. Изъ лицъ, умершихъ еще раньше, до 1409 г., въ Гурь-эмирѣ похоронены внукъ и наслѣдникъ Тимура Пирь-Мухаммедъ и сынъ Тимура Мираншахъ. Изъ нихъ Пирь-Мухаммедъ былъ убитъ въ сѣверной части нынѣшняго Афганистана 14 рамазана 809 г. (22 февраля 1407)²⁾; о его погребеніи нѣтъ никакихъ извѣстій. Мираншахъ погибъ въ Азербайджанѣ, во время войны съ Кара-Юсуфомъ туркменскимъ, въ апрѣлѣ 1408 г., и былъ похороненъ тамъ же, въ мѣстѣ Сурхабъ; «черезъ нѣкоторое время» (بعد از مدتی) пѣкій Шемсъ Гури въ одеждѣ дервишей перенесъ его кости въ Мавераннахръ, гдѣ онѣ были похоронены въ Шахрисябѣ³⁾; о перенесеніи ихъ впоследствии изъ Шахрисяба въ Самаркандъ ничего не сообщается; во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что Шахрисябъ и при существованіи Гурь-эмира втеченіе нѣкотораго времени оставался мѣстомъ погребенія представителей династїи. Достоверно извѣстно только время перенесенія въ Гурь-эмиръ тѣла Шахруха. Шахрухъ умеръ въ западной Персіи въ воскресенье 25-го зу-ль-хиджа 850 г. (12 марта 1447)⁴⁾; перенесеніе тѣла въ столицу Шахруха, Гератъ, было нѣсколько задержано смутами; въ Гератѣ Шахрухъ былъ похороненъ въ медресе, выстроенномъ его женою Гаухеръ-Шадъ, въ одномъ и томъ же мавзолеѣ со своимъ сыномъ Байсункаромъ⁵⁾, умершимъ въ декабрѣ 1433 г.⁶⁾ Въ 1448 г. Гератомъ на короткое время завладѣлъ Улугбекъ; покидая городъ, онъ взялъ съ собой тѣло Шахруха. Изъ Бухары, гдѣ онъ проводилъ зиму 1448—9 г., Улугбекъ отправилъ тѣло своего отца въ Самаркандъ, гдѣ оно было похоронено въ мавзолеѣ «великаго эмира», т. е. Тимура⁷⁾.

Этимъ разсказомъ косвенно подтверждается мѣстное преданіе⁸⁾, до

1) بجوار پدر خود در مدرسه او: تاريخ فصیحی, рук. Аз. муз. 581а, л. 411б.

2) مطلع السعدین, рук. унив. 157, л. 173а.

3) Ibid., л. 178а; дата битвы л. 177б—24 зу-л-ка'да 810 г.

4) Дата въ مطلع السعدین, рук. унив. 157, л. 271б.

5) Ibid., л. 274а.

6) Дата ibid, л. 243а (субб. 7-го джумада I 837).

7) Ibid., л. 283б.

8) Самарк. мечети, стр. VIII.

спяхъ поръ не находящее себѣ *прямого* подтвержденія въ письменныхъ источникахъ, что Гуръ-эмиръ былъ предметомъ особенныхъ заботъ Улугбека, вообще украшавшаго Самаркандъ, по примѣру своего дѣда, величественными зданіями. Повидимому, созданіе изъ Гуръ-эмира усыпальницы въ такой же степени было личнымъ дѣломъ Улугбека, какъ удаленіе языческаго убранства перваго мавзолея и погребеніе рядомъ съ Тимуромъ сейидовъ — личнымъ дѣломъ Шахруха. При Улугбекѣ, правившемъ въ Самаркандѣ еще при жизни Шахруха, съ 1409 г., очевидно, были устроены существующія въ настоящее время вторичныя надгробія; изъ надписи на знаменитомъ нефритѣ, въ новѣйшее время, къ сожалѣнію, изувѣченной, извѣстно, что этотъ нефритъ былъ привезенъ въ Самаркандъ Улугбекомъ послѣ его знаменитаго похода черезъ Среднюю Азію до Юлдуза, совершеннаго въ 828=1425 г. Самый подробный рассказъ объ этомъ походѣ сохранился въ трудѣ Мирхонда; въ этомъ рассказѣ упоминается и о перевозкѣ камней, причемъ вполне подтверждается мнѣніе Н. И. Веселовскаго, что мы имѣемъ здѣсь не монолитъ, вполнѣдствіи разбитый на двое, какъ утверждаетъ преданіе, но два отдѣльныхъ куска, плотно пригнанные другъ къ другу¹⁾. По словамъ историка, еще Тимуръ велѣлъ перенести въ Самаркандъ эти куски, которыхъ тогда было три²⁾, но ему удалось увезти только одинъ; два другихъ были увезены Улугбекомъ. Историки не упоминаютъ о фактѣ, извѣстномъ намъ изъ надписи — что привезенные камни были положены на гробницу Тимура.

Создатель Гуръ-эмира, какъ царской усыпальницы, былъ также послѣднимъ изъ тимуридовъ, похороненныхъ въ этомъ мавзолеѣ. Улугбекъ былъ убитъ въ концѣ октября 1449 г., по Даулетшаху 8 рамазана 853 г. (25 октября)³⁾, по надгробной надписи 10-го⁴⁾; о его погребеніи источники ничего не сообщаютъ. Изъ надписи, гдѣ упоминается, съ явнымъ осужденіемъ, о возстаніи сына, видно, что надгробіе не могло быть поставлено при Абд-ал-Лятифѣ, правившемъ до мая 1450 г.; едва ли также оно было поставлено при Абу-Са'идѣ (съ 1451 г.), мстившемъ за смерть Абд-ал-Лятифа; остается кратковременное царствованіе Абдуллы (1450—1451),

1) ЗВО XVI, стр. XII.

2) سه قطعہ سنک یشم, напр. рук. унив. 291, л. 217а; у Хафизы-Абру и въ مطلع السعدین говорится только объ одномъ камнѣ, который мною ошибочно былъ принятъ за кокташъ въ المظفریة, сборн. статей учен. бар. Розена, стр. 27. Полный текстъ рассказа Мирхонда о походѣ Улугбека я надѣюсь издать въ приложеніи къ изслѣдованію объ Улугбекѣ, подготовляемому мною къ печати.

3) تذکرۃ الشعرا, стр. 366.

4) E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand, p. 15 сл. и pl. III.

возведеннаго на престолъ послѣ убіенія Абд-ал-Лятифа мстителями за Улугбека. Очень вѣроятно, что при немъ совершилось перенесеніе тѣла Улугбека въ Гуръ-эмиръ. Послѣ этого, насколько извѣстно, больше не было случаевъ погребенія въ Гуръ-эмирѣ, хотя династія тимуридовъ правила Самаркандомъ еще полвѣка.

В. Бартольдъ.